

Ирина Курбатова

Закон кустарника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Курбатова

Закон кустарника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39746069

SelfPub; 2018

Аннотация

Два случайных знакомства нарушают размеренное течение жизни главной героини. Две встречи, не обещавшие ничего серьезного, начавшиеся почти, как шутка, затянут её в водоворот сложных отношений и повлекут за собой ряд событий, одно из которых закончится трагически....

Содержит нецензурную брань.

***

Поезд медленно тащился по кольцевой линии, с трудом преодолевая перегоны между станциями. Дышать было нечем, на весь вагон всего одна открытая форточка, остальные, при малейшей попытке сдвинуть их в сторону стояли насмерть.

«Господи, ну, доеду я когда-нибудь или нет... Надо же мужичонка в шортах....., ножки кривенькие.... А вон тот напротив – ничего. Интересно, он уже разменял полтинник или еще нет? Лоб почти без морщин, рост, похоже, не меньше ста восьмидесяти..... Жаль, глаза закрыты..... Действительно спит или притворяется? А, что он, собственно, в метро делает? Такие мужики обычно на персональной с шофером ездят.... Господи, какая духота, а еще только начало июля... Интересно, заметно, что я без белья или нет?».....

У дверей скопилась огромная толпа, Юля, на всякий случай сделала глубокий вдох и стала ввинчиваться в самую ее середину. Вдруг поезд резко затормозил, дернулся, потом опять затормозил, снова дернулся и, пока машинист испытывал тормозную систему на прочность, людей остервенело кидало из стороны в сторону. Стараясь удержаться на месте, Юля инстинктивно ухватилась за что-то у себя за спиной и тут же отдернула руку: по ощущениям это была нижняя часть тела и судя по всему – мужская. «Господи, неудобно-то как! Конечно я не на....», – вагон опять резко motнуло и Юля, скорее догадалась, чем увидела, что за спиной у

нее стоит тот самый мужик, которого она бесцеремонно рассматривала минуту назад. И тут она почувствовала, что у нее задран подол платья. Попробовала пошевелиться, дабы исправить положение, ничего не вышло: ее крепко держали, и она точно знала кто. Одна его рука плотно обхватила Юлину талию, а другая перебиралась от задней части бедра к паховой области.

В первое мгновение Юля опешила, потом паника сменилась злостью: «Ну, сейчас я тебе устрою». Изловчившись, она уперлась коленом в стоящую перед ней тележку с баулами и с силой, на которую только была способна, надавила на стоящего за спиной мужика. «О—о—о!!!.... Ничего себе!!!!!!....» – вот чего она никак не ожидала обнаружить, так это мужской детородный орган в полной боевой готовности, да к тому же еще и нетерпеливо пульсировавший от напряжения. Оценив ситуацию, тут же попробовала дать обратный ход, но чужая рука резко вернула ее тело на место....

На платформу Юлю вынесла толпа. Медленно, стараясь держаться как можно ровнее, она сделала несколько шагов, завернула за колонну, и, закрыв глаза, прислонилась к холодному мрамору.

***

–Ну, и лето нынче. То жара, как в Сахаре, то льет и льет,—Галка даже плюнула с досады,—Третий раз за день подоконник вытираю. У господи запой что ли? На весь свет тоску зеленую нагнал.

– Не зеленую, а мокрую.

– Какая разница.

– Ой, и не говори, подружка, жить, ну, не хочется....., ну, ни с кем.... Да, закрывайте вы дверь, черт возьми! – бумаги с шумом разлетелись со стола, а вслед за ними ринулась и Наталья, – Батюшки, Юлька! Вот это стриптиз! Тебя случайно в подворотне никто не взял?

Стараясь не наследить, Юля прошла в дальний угол комнаты и принялась стягивать мокрое платье, – Ладно, скалится – то. Есть что сухое?

– Держи, – Наташка вытащила из шкафа старенький халат, и, видя, что подружка никак не справится с мокрой амуницией, стала ей помогать, – Девоньки, вы только посмотрите, у нее же под платьем ничего нет!

– Хватит, хватит, – Юля недовольно поморщилась, – Меня сегодня уже лапали.

– Да? И можно узнать где?

– В метро.

– Завидую....

– Было бы чему...

– А то нет? – Наташка понуро вздохнула, – М–да... Тебе Ромадин звонил. Про договор спрашивал. Злой, как бобик и лается также.

– Ну, это его обычное состояние.

Дождь за окном резко поменял скорость. Мелкие капельки нехотя плюхались на стекло, а потом медленно стекали

ли вниз. Туча только пыталась начать свое перемещение, а от земли уже всюду валил пар, унося с собой живительную влагу. Тихий, сплошь заросший зеленью дворик постепенно преобразался: начисто вымытый асфальт уже сиял серыми просохшими боками, а листва еще недавно унылая и поникшая от водяной тяжести, уже ловила едва уловимые солнечные лучи.

Здание, где работала Юля, было двухэтажное старинной постройки. Располагалась оно в узком проходном дворе и от этого в комнате, несмотря на пятиметровые потолки и огромные окна, всегда не хватало света. Ближе к ночи в коридорах появлялись здоровенные крысы, больше похожие на откормленных поросят. Своим наглým поведением они повергали в столбняк всю женскую часть конторы, а как-то раз после длительных новогодних праздников, Юля и ее сотрудницы обнаружили остатки крысиного шабаша. Мусорные корзины перевернуты, с Людмилиного стола были начисто сметены все папки с документами, а на самом столе красовалась куча крысиного дерьма, но самое гнусное – эти твари изгрызли Галкины новые туфли.

Дзинь, дзинь, дзинь.....

–Алло! Минутку,–Наташка прикрыла трубку ладонью,–Юль, Ромадин. Ты – здесь или...?

Юля поморщилась и потянулась к телефону,–Да. Здравствуй, Коля. Нет. Я попросила его доработать. Могу сказать. Меня не устраивает право собственности на предмет дого-

вора. Наплевать, что они разрабатывают программу. Деньги платим мы. Да, уговорила. Авторские у них, а владение наше на десять лет. Сегодня обещали привести документы. Хорошо, позвоню.

–Удовлетворила?–хихикнула Наталья.

–Полностью.

–И, как тебе это удастся?

–Результат упорных тренировок.

–Ух, ты! Уже четвертый час,–Людмила сняла очки и потерла воспаленные веки,– неплохо бы и чайку попить. Галка, стоняй в булочную, дождь, вроде, прекратился.

–Люда–Ванна, ну, почему всегда я?–слезливым голосом протянула Галка, –Ох, за что меня покинул бог? .....

–За грехи, кисонька, за грехи,–не особо церемонясь, Людмила сунула ей в ладонь деньги и выпроводила из комнаты.

Из открытого окна послышался звук разворачивающейся машины и по комнате распространился резкий запах выхлопных газов. Пятеро мужиков, темпераментно высказываясь в адрес начальства, грузили в фургон огромный железный сейф. Юля поежилась,–Туся, прикрой окно и, будь другом, посмотри, мое платье высохло?

–Угу, можешь переодеться. Только стоит ли?–Наталья многозначительно подмигнула, – В халате ты выглядишь весьма заманчиво...

– Верю. Особенно, если учесть, что он рассчитан на пер-

вый рост, а у меня третий, – Юля сняла халат и протянула руку за платьем.

Но Наташке явно хотелось позубоскалить, – Слушай, а у тебя шикарная фигура.

–А у тебя двое детей и муж банкир, – парировала Юля.

–Ну, и, что?

–Вот и я говорю, ну, и, что? Давай платье. Мы не в бане.

–Нет, погоди, – не унималась Наташка, – Люсь, разве я не права? Посмотри, какой плавный переход от груди к бедрам. А кожа белая, нежная, как у девчонки и живота почти нет.

–Для почтенной матери семейства у тебя странные наклонности, – Юля почувствовала, что начинает злиться.

–Да, ты в зеркало – то посмотри. . . Ой! Вы кто?! – от неожиданности Наталья даже оторопела: в дверях, стоял высокий молодой человек и довольно улыбался, – А вас мама не учила, что прежде чем войти в помещение, следует стучать?

–Честно говоря, не помню, – посетитель был по-прежнему невозмутим, а улыбка его увеличилась до максимально возможных размеров.

–Вы, вы. . . , – Наташка чуть не задохнулась от такой наглости, – вы, извращенец?

Пока подруга отчитывала нежданного гостя, Юля спешно натягивала халат, в суматохе она оборвала верхнюю пуговицу, и, не найдя ничего лучшего, приспособила вместо нее зажим для бумаг.

–Может быть, вы, все – таки объясните, зачем изволили по-

жаловать?!–Наташкино негодование достигло наивысшей точки кипения и грозило перерасти в серьезный скандал.

Видимо почувствовав опасность, молодой человек перестал улыбаться и миролюбиво произнес,–Мне Комарову. Я по поводу договора.

Юля вздрогнула. Странный был голос у этого юноши, глухой, низкий. Он словно бы обволакивал собеседника, –Я Комарова. Присаживайтесь.

–Спасибо,–посетитель по–хозяйски устроился на стуле и снова заулыбался,– Я так и думал.

–Что именно?

–Что Комарова–это вы.

–Ясновидящий?–чтобы переломить ситуацию, Юля вложила в вопрос весь свой запас сарказма.

–Да. В третьем поколении,–не тут–то было. Посетитель и не думал сдавать позиции.

–Ну, ладно, граф Калиостро, – последняя попытка осадить собеседника, а дальше – спокойный деловой тон без эмоций, – давайте знакомиться. Юлия Сергеевна.

–Лексей Юрич,–попытка не удалась, но условия приняты,– Вот бумаги. Наш юрисконсульт уже согласовал все спорные моменты с вашим юротделом. Думаю, проблем не будет,– он протянул Юле папку с документами.

Теперь, при ближайшем рассмотрении, язык не поворачивался назвать его юношей. Нет, конечно, он был молод, лет тридцать, может быть чуть больше. Но это был не юно-

ша и, даже не молодой человек – это был мужчина. Юля поискала у него на лице хотя бы незначительные признаки щепотки заботы, но так и не нашла. Спокойный взгляд, особая манера держаться, свойственная только уверенным в себе людям, а про голос и говорить нечего....

– Ну, что же, все изменения внесены, думаю, договор можно подписывать. Давайте сделаем так. Я покажу бумаги своему начальству, подпишу у главбуха, а потом позволю, – Блямс! Юля совсем забыла о зажиме для бумаг, а он возьми да и свалился прямо под нос посетителю. Зажим – вниз, половинки одежды – в стороны, грудь – наружу! Только спокойно – халатик собрала, и как ни в чем, ни бывало, – Кому звонить? Паршину или вам?

– Звоните мне. Вот, – Алексей протянул Юле визитку, – Толмачев. Старший менеджер по работе с клиентами.

– Ух, ты! Как круто!

– А, то! На самом деле моя должность называется – «прислуга за все». Чего это вы смеетесь?

– Представила вас в белом переднике и крахмальной наколке.

– Ну, и как?

– Забавно.

– И только – то, – Алексей состроил сочувственную гримасу, для большей убедительности даже ресницами похлопал, – Жаль....

– Знаете, Алексей Юрьевич, кого вы мне напоминае-

те?—Юле наконец—то удалось справиться с приступом смеха,—Любопытного цыпленка, который очень хочет, чтобы его принимали за петуха.

—Бросьте. Напоминать я вам могу кого угодно, только не цыпленка.

—Обожаю скромных людей. Ну, хорошо, ждите звонка, а пока—«всем спасибо, все свободны».

Алексей встал и церемонно раскланялся,—Благодарю, вас. До свидания,—это было адресовано Юле, а остальным,—Целую ручки, милые дамы!—и вышел.

—Хорош!—восхищенно ахнула Наталья,—Стервец, должно быть, приличный, но прелесть, до чего хорош...а, Юль, как?

—Не знаю, Наташ, надо пробовать....

—Так в чем же дело?—Наташка даже на стуле подпрыгнула,—Вперед!

Ответить Юля не успела, дверь распахнулась и на пороге появилась Галка, обеими руками она прижимала к груди туго набитый пакет,—Слушайте, девочки, а что это за «Арамиса» я в коридоре встретила?

—Это поклонник Юлькиного стриптиза,—Наталья уже приготовилась поведать Галке все, что произошло в ее отсутствие, но наткнувшись на грозный взгляд подруги, прикусила язык.

Пока остальные выгружали продукты и ставили чайник, Юля мысленно прокручивала события последнего часа. И, странное дело, чем отчетливей она представляла себе недав-

него посетителя, тем сильнее ощущала то странное состояние, которое началось сразу же, как только Алексей произнес ее фамилию. Достаточно было вспомнить звук его голоса, как вдоль позвоночника начинали бегать противные мурашки.

–Девчата, к столу,– Людмила по–хозяйски зазвенела чашками,–Так, кому чай, кому кофе?

–Мне кофейку. Ой, а давайте с коньячком, по случаю дождливой погоды. А Комаровой двойную дозу, не дай бог, помрет от сексуального возбуждения,– заговорщицки хихикнула Наталья.

–Если только за твой счет,– отрезала Людмила,–Пей и не егози.

Солнце, так и не сумевшее по–настоящему разогнать облака начало медленно сдавать свои позиции. По мере того как оно заваливалось за крышу соседнего дома, в комнате становилось все темнее и темнее, в конце концов, пришлось включить электричество.

–Вот и без пяти «нашего», можно и домой собираться,–Людмила удовлетворенно вздохнула. Дзинь, дзинь.....,–Кого это черт несет! Алло! Галка, возьми трубку.

–Да. Привет, Олег. Уже закончила. Куда идем? Шутишь! Отлично. Нет, не надо. На «Петровке» пробка, час потом не выберемся. Лучше ты меня на «Трубной» подбери. Целую.

–Олег?–Людмила явно готовилась сделать Галке внушение,–А в прошлый четверг, если память мне не изменяет,

был Вадик. Не слишком ли быстро ты на спидометр накручиваешь?

—Жизнь такая,—огрызнулась Галка,— В сутках всего двадцать четыре часа, а успеть надо на сорок восемь. Недавно вон миллениум отмечали. Все кричали: начало века, ура, караул и так далее. А уже почти три года прошло. О, как! До скорого, — последние слова донеслись уже из коридора.

—Люд, не терзай ее нравомычаниями,—Наталья стояла в дверях в полной боевой готовности,— Пошли, пора уже.

—Мораль упала, как бы на нее не наступить. Юль, ты остаешься?

—Угу. Еще часик посижу. Люд, погаси верхний свет, я лучше лампу включу.

—Правильно, а то комарья налетит по самые ноздри.

***

Юля оторвала голову от бумаг и посмотрела на часы, за окном уже царила полная темнота. Время остановилось на отметке половина седьмого, и, судя по приметам—это, было давно. Решив, что на сегодня хватит, она выключила компьютер и потянулась за платьем. «Надо бы лампу выключить»,— но вместо этого, шагнула к окну, медленно расстегнула халат и также медленно его сняла, постояла секунд десять, потом взяла со стула платье и оделась.

В коридоре стояла кромешная тьма, только в самом конце у будки охранника тускло мерцала светлая точка. Завхоз был мужик прижимистый, и его страсть к постоянной экономии

побеждала даже страсть к ежедневной выпивке.

Юля на ощупь добралась до конца коридора. Охранника на месте не было. Немного подождав, она шлепнула ключи на стол, крикнула в пустоту: «Пока, Петрович!!», и очутилась на улице.

Знакомый до мельчайших подробностей двор представлял собой таинственное зрелище: разросшиеся кусты сирени напоминали непроходимый лес, а береза, растущая рядом с единственным на весь двор фонарем, монотонно постукивала в окно второго этажа.

«Обстановка—Дракула отдыхает,—подумала Юля,—Не хватает только ворона, чтобы каркнул чего—нибудь зловещее».

Она решительно шагнула вперед и тут же угодила в середину огромной лужи, попутно обдав себя водой почти до пояса.

—Волшебное превращение: деловая женщина в роли сухопутной русалки,—произнес знакомый баритон.

Юля вздрогнула, раздался хруст сломанной ветки, и от фонаря отделилась тень,—А может вы золотая рыбка? Тогда мне, стоит закинуть невод,— Алексей протянул ей свою ладонь.

—Чего тебе надобно, старче?

—Да, так, по мелочи. Например, вытащить вас из этого мокрого дела.

Ладонь была большая и сильная, в ней скрывалось даже какое—то снисходительное превосходство.

–Спасибо. Ну, и, что вы здесь делаете? Байки о том, что рядом живете, не пройдут.

–Ни, боже мой! Живу я вообще на другой планете, а здесь мое смиренное тело дежурило под вашим окном, чтобы спеть любовную серенаду.

–Пойте.

–Что?

–Пойте. А я послушаю и заодно обсохну.

–Что предпочитаете: оперу, оперетту, городской шансон, фольклорные наигрыши...

–Ораторию или обрядовые песни африканских племен.

–А какой части Африки? Южной, северной...?

–Центральной.

–Видите ли, обрядовые песни аборигенов центральной Африки исполняются только под аккомпанемент инструмента, который носит название «тамбурджон».

–Простите, какой Джон?

–Тамбур–Джон.

–А без него, значит, никак, нельзя?

–Угадали. Нельзя,–лукавые карие глаза буквально изучали Юлю, и по тому, как они это делали, было ясно: повторный её стриптиз Алексей отсмотрел с большим удовольствием.

Знакомая нервная дрожь пробежала вдоль позвоночника. «Черт знает, что,–возмутилась она,–Это надо немедленно пресечь». Но пресекать, как раз и не хотелось,–Ну, раз

концерт отменяется, публике пора по домам.

–В таком–то виде?

–Есть предложения?

–Есть. Следует поменять одежду или, хотя бы поймать машину.

–Вы, что серьезно думаете, что водитель будет рад такому подарку?

–А куда он денется?

–Выберем золотую середину. Я сейчас по возможности приведу платье в порядок и прекрасно доеду общественным транспортом. Держите сумку.

–Как скажите.

–Отвернитесь. Предупреждаю, если вздумаете подглядывать, выцарапаю глаза.

–Зачем? Все, что хотел, я уже видел.

Оставив последние слова без внимания, Юля тщательно отжала подол, потом достала из кармана платок и вытерла мокрые ноги,–Ну, вот и все. Давайте сумку.

–Быстро управились,–улыбнулся Алексей и, вместо того чтобы отдать сумку повесил ее себе на плечо,–Идемте. Я вас до метро провожу, а то вы, не ровен час, опять с какой–нибудь водной стихией соприкоснетесь.

***

Лифт не работал. Света на этаже тоже не было. С трудом, нащупав замочную скважину, Юля открыла дверь и щелкнула выключателем.

В этой квартире она жила давно, с тех пор, как еще школьницей переехала сюда с родителями и младшей сестрой. Две комнаты. Одна—девятиметровая— напоминала спичечный коробок, другая—двадцати— троллейбус, но после небольшой комнатухи в огромной коммуналке — это был настоящий дворец. Первые десять лет, все было хорошо, Юля с младшей сестрой размещалась в маленькой комнате, а родители в большой. Но сестра росла, родители старели, и места стало не хватать, кроме того, матушку ужасно раздражало, что у сослуживцев дочери одна за другой обзаводились семьями, а ее чадо упорно отказывалось это делать. Анна Васильевна Комарова была женщина властная и всегда считала, что на свете существует только два мнения— одно ее, а другое неправильное. После семи лет непрерывных скандалов, мать, наконец, поняла, что с Юлькой каши не сварить, и сделала ход конем. Она выписала из—под Саратова родителей. Отец у нее был инвалид войны, а, следовательно, имел право на различные льготы, стариков прописали, и дед начал ходить по инстанциям. Два года его «непрерывных хождений» завершились успехом— родителям и сестре дали квартиру в новом доме, а Юля со стариками осталась на старом месте. После разъезда дед стал часто болеть и через три года умер, теперь в квартире их осталось двое — она и бабка, но с апреля по октябрь старуха, обычно жила в деревне и только на зиму перебиралась в Москву.

Юля закурила сигарету и вышла на балкон, внизу рассти-

лалось темное шелестящее море. Район был зеленый. Она помнила, как в первый год после переезда жильцы ходили в лес за саженцами, благо он тогда был в двух шагах, и вдохновенно озеленяли территорию вокруг домов. В результате все свободное пространство, кроме асфальтовых тротуаров и детских песочниц, было сплошь засажено зелеными насаждениями и у каждого жильца было «свое» дерево. У Юли оно тоже было—березка.

Говорят, что дерево, которое посадил человек, отражает его судьбу. Наверное, это правда. Почему тогда из всего множества саженцев, Юля выбрала именно этот кривой и ободранный? Выбрала сразу же, ни минуты не думая. А ее соседка — Маринка Вялышева, наоборот, прямой и аккуратный. Деревья и сейчас растут на том месте, где они их посадили. Маринкина береза стройная, ствол почти без сучков, а крона ровная и пушистая. А ее дерево наоборот. Кривой сучковатый ствол, в какой-то момент разделился и образовывал два совершенно самостоятельных побега, при порывах ветра они даже раскачиваются в разные стороны. Вот и не верь после этого в приметы.

Сигарета погасла. Юля никак не могла вспомнить, куда она дела зажигалку?— «А странный сегодня был день,—промелькнуло у нее голове—не пустой, как обычно».

***

Несмотря на девять часов утра, жара была уже градусов двадцать. Лужа, еще вчера вечером казавшаяся огромной,

сегодня напоминала жалкую кляксу.

–Здорово, барышня! О чем задумалась?

–Привет, Люд. Да, так... не о чем.

–Гляди, у нас окно открыто. Ты что ли забыла?–Людмила
страсть, как не любила беспорядок.

–Нет,–замотала головой Юля,–я все закрыла, точно помню.

Коридор как всегда пребывал в полуосвещенном состоянии, стараясь, не наткнуться друг на друга, женщины добрались до своей комнаты. Дверь оказалась незапертой.

–Неужели кто-то раньше меня пришел?–удивилась Людмила,–Ба! Наташка!! Ты чего в такую рань? А как же «жестокый» транспорт?

–Раз на раз не приходится,–голос скрипучий, как телега не смазанная, глаза в пол,– Юля, тебе Ромадин звонил.

–Уф! Привет, сокамерницы,–Галка с разбегу плюхнулась на стул,–Черт, опять пакет порвался. Ну, сколько можно?

–У тебя, между прочим, еще и футболка наизнанку надета,–усмехнулась Юля,– Я такой не помню.

–Можно подумать, Юлятина, ты весь мой гардероб знаешь.

–Ну, весь не весь, а знаю, и потом, у меня неплохая интуиция. Вот сейчас что-то мне подсказывает, что футболка явно не твоя. Во-первых, она на три размера больше, а во-вторых, я не замечала, чтобы ты была поклонницей группы «Metallic». Следовательно, этот прикид был тобой где-то по-

займствован и вероятно в большой спешке.

–Осваиваешь дополнительную профессию?– Галка привычно потянулась к телефону, видимо, рассчитывая занять его часа на два. Не получилось. Аппарат ее опередил,–Алло? Юль, начальство...

–Слушаю. Доброе утро. Порядок. Еще вчера получила.... Так тебя же не было!!! Откуда я могла знать? Твоя «стютюэтка» сказала, что ты больше в контору не вернешься.... Хорошо, учту. Сейчас принесу на подпись,–Юля швырнула трубку на аппарат и стала искать документы, мысленно «доруговаясь» с начальством: «Этот гавнюк иногда ведет себя так, будто все вокруг его личная собственность».

Обычно, такое бывает после очередной пьянки, пребывая в состоянии непробудной похмельюги, шеф постоянно рычит и пытается сожрать каждого, кто попадает под руку. В таких случаях секретарши, которых он именует «стютюэтками», кидают жребий на спичках и обладательница «короткой» рысит за пивом.

Вот и в этот раз директорскую приемную украшали только две «стютюэтки». Одна из них, по определению самого Ромадина, была «девушка в прошлом», другая–«девушка с прошлым». Третьей, которую шеф именовал «длинноногой мочалкой», не было. Похоже, что бежать за пивом досталось именно ей.

–Здравствуйте, красавицы. Туда можно?–спросила Юля, показывая пальцем на дверь кабинета.

–Попробуйте. Может и повезёт,—неопределенно пожала плечами Оксана—полноватая блондинка с обручальным кольцом на левой руке.

–Ё–о–о–о,—протянула Юля,—Что неужели такой?...

–В том—то и дело, что никакой,—отозвалась Зоя, усиленно колдовавшая над кофеваркой.

Ромадин лежал на диване, прикрыв глаза рукой, и, по всей видимости, пытался справиться с бурей, разыгравшейся в организме.

–Здравствуйте, Николай Александрович,—Юля опустилась на стул рядом с диваном,— Явилась, пред Ваши светлы очи. Чего изволите, голубчик?

–Прекрати,—проскрипел зубами Ромадин,— Голова трещит нещадно и потолок кружится.

–Опять?! Права моя бабка—« у дурной шалавы каждый дён стирка».

–Познакомь. Буду хоть одну толковую бабу знать.

–И кто на этот раз?—поинтересовалась Юля,— Или жена объявилась?

–Не дай бог! Накаркаешь еще,—для надежности Ромадин даже перекрестился.

–Ладно, лечись,—понимая, что толку от начальства в данный момент никакого, она направилась к двери,— Я к тебе минут через сорок зайду. Все равно Базарычевой нет, а без подписи главбуха нельзя.

Ромадина Юля знала давно. Еще с тех пор, когда после

школы пришла в вычислительный центр одного крупного НИИ. Предприятие работало на оборону и космос, в лучшие годы численность сотрудников доходила до двадцати пяти тысяч. Вот туда-то по распределению и попал выпускник мехмата МГУ, Николай Ромадин.

В университет он поступил только благодаря своим способностям. Никаких связей и полезных знакомств у его матери не было. Она всю жизнь проработала начальником машбюро в стройтресте, а отца своего Колька никогда не видел. На вступительных экзаменах Ромадин так поразил приемную комиссию своей способностью мыслить нестандартно, что не принять его просто не могли. Но вот поступить в аспирантуру это ему не помогло.

В тот год было всего три места. Первым номером шел Петька Додин, у которого был не только «красный» диплом, но и около десятка научных работ, две из которых, как поговаривали на факультете, при доработке вполне тянули на докторскую. Вторым был Сергей Пенин – профессиональный активист. За пять лет учебы, каких только общественно-выборных должностей он не занимал и, в конце концов, дорос до секретаря комсомольской организации факультета. Третьим должен был быть Ромадин, но в последний момент в аспирантуру зачислили другого. Этот парень, со странной фамилией Цуквасов, объявился в их группе на четвертом курсе и никто не знал откуда. Был он абсолютно не выразителен, ничем не отличался, скорее наоборот, это был вопло-

ценный стандарт: средний рост, средняя внешность, средняя успеваемость, единственное, что у него было не среднее, так это предки. Один его дед был близким соратником Дзержинского, активно участвовал в создании ВЧК и потом всю жизнь проработал в органах, даже умер на Лубянке в собственном кабинете. Другой – кадровый дипломат, большую часть жизни прожил за границей, плавно перемещаясь из одной страны в другую. А папаша Цуквасова, ни много, ни мало, работал в аппарате ЦК КПСС.

Но все это выяснилось гораздо позже, а в тот момент Николай даже не особенно расстроился. Тогда он еще относился к жизни легко, считал, что все в ней достаточно просто, и если особенно не усложнять, то твои способности рано или поздно будут востребованы и оценены по заслугам.

Определившись в НИИ, Ромадин с удовольствием обжился в новом коллективе, и скоро о нём заговорили, как чрезвычайно талантливом специалисте. Любой самый сложный алгоритм он облакал в такую лаконичную и красивую программу, что признанный корифей баллистики Моисей Самуилович Гершман, обычно весьма скупой на слова, удовлетворительно качал головой и повторял: «Занятно, занятно...». Колька мог целыми днями, а иногда и ночами, самозабвенно торчать на машине, постоянно выпрашивая лишний часок времени. Кроме того, он регулярно мотался в командировки на полигон и в многочисленные филиалы.

Командировки, как правило, проходили бурно. Особенно

он прославился после того, как, просидев на объекте без гроша четыре месяца, прислал в отдел телеграмму без единой запятой: «Высылайте деньги вашу мать выселяют из гостиницы». Начальство долго не могло понять, чью это маму выселяют и почему?

Именно тогда Юлька с ним и познакомилась.

Ромадин был симпатичным, веселым парнем и многие девчонки тут же положили на него глаз. А он, ко всему прочему, оказался еще и отчаянным бабником. На ВЦ не было практически ни одной юбки, с которой бы Николаша не завел роман или, хотя бы, пару раз страстно не поцеловался. Пожалуй, только Юлька да Надька Разинкова проскочили мимо. У Надьки тогда был роман с человеком много старше ее, да, к тому же, дважды женатым.

Ну, а Юлька.....? Юлька не попалась, потому что ненавидела принцип стадности. Еще в детстве она всячески пыталась подчеркнуть свою индивидуальность. Если среди ровесниц была мода на пышные белые банты, то Юлька перетягивала косу резинкой, если все девочки в праздничном новогоднем спектакле мечтали сыграть Снегурочку, принцессу или, на худой конец, снежинку, то Юлька обязательно требовала себе роль Бабы Яги. За подобную «поперечность» ей часто доставалось от окружающих, включая собственную мать, но она категорически отказывалась усваивать уроки. Так и в случае с Ромадиным. Сначала он ей очень даже понравился, но как только вокруг его персоны возник любовный мас-

совый психоз, она начисто потеряла интерес. Колька после нескольких попыток завязать нечто вроде флирта понял, что к чему, и их отношения естественным образом переросли в приятельские.

Они часто бывали в одних и тех же компаниях, ходили вместе обедать и, встречаясь в курилке, с удовольствием рассказывали друг другу анекдоты и местные сплетни. Юля, от души посмеиваясь, наблюдая, как растет племя Колькиных «бывших». Она даже прозвище им придумала—«ромоданки».

Постепенно жизнь стала давать Николаю оплеухи, что называется, по нарастающей.

Первая случилась, когда Ромадина не оказалось в списках на премию по случаю удачной сдачи объекта. И это, несмотря на то, что идея и основа уникальной программы расчета принадлежала именно ему. Вторая, когда Николая обошли с повышением, мотивируя, что у него нет еще достаточного опыта, и намекнули, мол, мало быть просто талантливым, необходимо иметь еще кое—что. Именно в тот момент Ромадин и встретил своего бывшего сокурсника Цуквасова, того самого, который был принят в аспирантуру вместо него.

Встреча была случайной, но бывший однокашник, похоже, был рад. Он пригласил Ромадина к себе в большую четырех комнатную квартиру на Ленинском проспекте. Обосновались они на кухне. Цуквасов извинился перед приятелем за холостяцкий ужин: жена в Болгарии на «Золотых пес-

ках», а сам он предпочитает ужинать в ресторане или в гостях, достал бутылку армянского коньяка, настоящего, ереванского разлива, нарезал «Салями», открыл банку крабов, банку маслин, поставил на стол вазу с виноградом и персиками. Первый тост был, как водиться, за встречу. Цуквасов тут же предложил повторить, а потом, как, и положено гостеприимному хозяину, стал расспрашивать Ромадина о жизни. Тот отвечал неохотно, и тогда Цуквасов перешел на собственную персону.

Женился он еще в аспирантуре. Тесть у него крупный чин в госбезопасности. Жена? А, что жена? Обычная женщина. Внешность не главное ее достоинство. Какое главное? Это когда женщина понимает, что, значит, быть спутницей мужчины, поставившего перед собой большую цель. После защиты ему предложили занять пост заместителя директора по общим вопросам в крупном НИИ при МИНПРИБОРе.

Ромадин не удержался и ехидно спросил: какой вопрос можно считать достаточно «общим», чтобы иметь по нему заместителя? Цуквасов в ответ с удовольствием расхохотался и, слово за слово, на столе появилась еще и бутылка «Столичной».

Николай расслабился и стал рассказывать о своих сегодняшних делах и сам не заметил, как выложил все. Цуквасов слушал с интересом. Потом вздохнул и сказал: «Беда в том, что ты не знаешь основного закона жизни. Человек, как дерево, силен своими корнями. Чем глубже он проникает в

почву, тем больше жизненных благ ему достается, чем плотнее он сплетается с более сильными представителями, тем больше у него шансов устоять в любых погодных условиях. Вспомни, при урагане, какие представители флоры страдают больше всего? Правильно. В основном это стоящие на отшибе высокие красивые деревья. А часто ты наблюдал выдернутые с корнем или просто сломанные кустарники? То-то. А почему? Потому что они зацепились друг за друга корнями и ветками и никакая стихия им не страшна. И, если ты этого не поймешь, то скоро будешь испытывать желание увидеть небо через белую простынь, а это прости, друг мой, уже клиника.....»

Протрепались они тогда всю ночь, благо, что на следующий день была суббота. Утром, прощаясь, Цуквасов сказал: «Ладно, попробуем исправить твою ситуацию. Ничего пока не обещаю, буду думать. Но, учти, если ты сам не осознаешь «закон кустарника», ничего не получится».

Месяца через два начальник отдела вызвал Ромадина к себе,— Я слышал у тебя связи в головном НИИ при МИН-ПРИБОРе?

Колька замялся, — Да, так. Знаю кое-кого, учились вместе. — Это хорошо. У них там выставка: «Успехи отечественного приборостроения» и конференция по тому же поводу. Съезди, узнай, что и как. Знакомых повидеешь, с нужными людьми познакомишься. Потом обсудим.

На следующий день Ромадин поехал на конференцию. За-

регистрававшись в фойе, как участник, он прошел в зал к выставочным стендам и сразу же заметил Цуквасова. Тот стоял в окружении большой группы слушателей и что-то им объяснял. Минут через пять Цуквасов тоже заметил приятеля и энергично направился к нему навстречу, —Привет, привет. Рад видеть. Пойдем, я тебя кое-кому представлю.

Он повел Ромадина к главному стенду выставки и начал знакомить со всеми подряд. Николай только успевал головой вертеть да руки пожимать. Среди его новых знакомых были руководители двух крупных НИИ, ректор знаменитого Московского вуза, начальник треста, начальники отделов из нескольких министерств, второй секретарь райкома, три директора завода, а остальных Ромадин даже и не пытался запомнить.

После конференции и банкета, Цуквасов повел Николая в свой кабинет выпить, что называется, на посошок, — Ну, как впечатление?

—Пока не пойму. В голове сплошная каша.

—Привыкнешь. Первый раз всегда так. Запомнил кого-нибудь?

Ромадин перечислил штук пятнадцать фамилий с должностями и научными титулами.

—А ты молодец, быстро схватываешь, —похвалил приятеля Цуквасов, —Ну, давай бахнем за «закон кустарника». Ты его, как-осмыслил?

—Пока не очень, —признался Колька.

–Ничего, Господь бог и тот мир шесть дней создавал. Давай еще по одной.

Они выпили еще по одной, потом еще, а когда Ромадин собрался уходить, Цуквасов сказал, – Твой начотдела мужик, в общем, ничего. Я навел справки. Администратор на уровне, а в науке туповат. Так ты ему помоги остороженько, ненавязчиво. Я слышал, он добро помнит. Но все карты не открывай и не все говори, что думаешь.

Николай совет запомнил и когда начотдела, как бы, между прочим, упомянул, что пишет статью в научный вестник, тут же вызвался помочь, мол, тема эта его давно интересует. Статья прошла на «ура». Ее обсудили на научном совете, идея была признана интересной и оригинальной. Результаты не замедлили сказаться, Ромадина назначили руководителем группы и предложили сдать кандидатский минимум. Что тот с успехом и сделал. Руководителем диссертации Колька взял того же начотдела, хотя пользы от него было, как от козла молока, зато Ромадин получил лабораторию еще задолго до защиты. «Закон кустарника» начал действовать.

Постепенно Ромадин стал меняться. Он больше не травил в курилке сомнительных анекдотов, не трепался на любую тему, а предпочитал слушать. Изменилась у него и манера одеваться. Все чаще и чаще Ромадин стал появляться в костюме, правда, без галстука. Качественную корректировку претерпели и его отношения с женщинами. Романы теперь Николай заводил весьма избирательно, отдавая предпочте-

ние замужним дамам. Свободное же время проводил в обществе нужных людей или, как выражался Цукасов, в обществе «нужников», и сам не заметил как, открыл в себе талант, о котором раньше и понятия не имел. После десятиминутного разговора, он безошибочно определял круг интересов и возможности собеседника. Цукасов только диву давался и таскал с собой Кольку на все мероприятия.

Как-то на очередном сборище, Ромадин заметил молодую блондинку. Девушка держалась очень уверенно. Фигура у нее была ничего, а вот ноги кривоваты, что касается лица – небольшой остренький носик, бледно-голубые глазки и губы, напоминающие знак равенства. Николай без труда навел о ней справки. Блондинка оказалась единственной дочерью заместителя министра внутренних дел. Она уже дважды побывала замужем и теперь, не спеша, присматривала следующую кандидатуру. Прикинув, все «за» и «против», Колька решительно пошел в атаку. Процесс ухаживания был краток. Буквально на следующий день блондинка оказалась в его постели. Звали ее Гликерия. Это имя досталось ей в наследство от бабушки, но все окружающие звали ее просто Лера и только отец упорно продолжал именовать дочь так, как было записано при рождении. После месяца общения, состоявшего в основном из посещений ресторанов и квартиры приятеля геолога, Николай решил, что пора делать предложение. Он не особенно рассчитывал на успех, но Лера, на удивление быстро, согласилась.

Свадьба получилась шикарная. Гуляли в ресторане «Прага», гостей было, аж, триста человек, в основном знакомые тестя Романа Алексеевича и невесты. Со стороны жениха присутствовала только мать, приятель геолог, квартиру которого столь часто посещали «молодые» и, конечно, Цуквасов. Бедняжка Нина Ивановна была настолько оглушена и подавлена, что весь вечер скромно просидела за столом, потихоньку вытирая слезы. А геолог, попав в непривычную для себя компанию, с тоски так напился, что уже через два часа его погрузили в такси в бессознательном состоянии. И только Цуквасов чувствовал себя превосходно. Он со вкусом ел, пил, с энтузиазмом общался с «тузами» и ухлестывал за девицами. Прямо из ресторана молодые отправились в свадебное путешествие на теплоходе.

Неуемная натура супруги Гликерии Романовны проявилась уже на пятый день их совместного проживания. Как-то вечером после очередной партии в бильярд Ромадина потянуло на свежий воздух. Стоя на верхней палубе, он бесцельно глазел по сторонам. Вдруг внизу на корме, среди лодок и прочего спас инвентаря, Николай заметил знакомое платье в красно-желтую клетку, супруга была с кем-то из команды. Николай просто опешил, нет, конечно, у него не было никаких иллюзий на счет своей половины, но чтобы вот так скоро и совершенно не заботясь о конспирации, этого Ромадин никак не ожидал. Пока обманутый супруг приходил в себя, пара завершила свой акробатический этюд, и исчезла. После

двухчасового хождения по палубе чувство злости сменилось на чувство досады. Кольке было бешено обидно, что эта избалованная кукла его опередила, что это она первая «сходила налево», а не он. Вернувшись в каюту, Ромадин обнаружил супругу, вальяжно развалившуюся на постели с журналом в руках. Это его так взбесило, что он прямо с порога заявил, что, мол, сложные фасоны не удобны для занятий физкультурой, а пристрастие к ярким нарядам когда-нибудь сослужит ей «медвежью услугу». Реакция жены была молниеносной. Сначала в него полетел журнал, потом подушка, потом туфля, и через мгновение она уже пыталась вцепиться мужу в лицо. Николай едва успел перехватить ее руки, но Гликерию это не остановило. Она пиналась и вопила, как резанная, что он не имеет права так с ней разговаривать, что он ничтожество и должен благодарить бога, за то, что она согласилась стать его женой, что он сам во всем виноват и так далее, и так далее... Ромадин швырнул жену обратно на кровать и выбежал вон. Остаток ночи Николай просидел в баре и в каюту вернулся только под утро. Недопитую бутылку коньяка он захватил с собой на тот случай, если жена начнет орать, то он скрутит ее и воьет спиртное в глотку.

Гликерия мирно посапывала на своей половине кровати. Колька тяжело вздохнул и полез под одеяло. Не успела его голова коснуться подушки, как он почувствовал на плече руку жены. Поначалу Ромадин не реагировал и даже попытался отодвинуться, но Лера не позволила, ловко закинув свою

ногу на бедро мужа. Ее ладонь медленно ползла вниз от груди к животу и дальше. Больше Колька не выдержал. Он резко повернулся и навалился на жену с таким яростным желанием, какого раньше никогда не испытывал. Он занимался любовью так, словно сражался со злейшим врагом. Тело жены было податливо, как глина, и хотя глаза были закрыты, лицо выражало откровенное удовольствие, это еще больше возбуждало Ромадина. В начале Лера только глухо стонала, но постепенно ее стоны стали напоминать вой волчицы, а в конце она издала такой вопль, что Кольке показалось, будто рухнули стены.

Потом они долго лежали рядом и тяжело дышали. Первой очнулась Лера. Она встала с постели, подошла к столу, закурила, потом налила коньяку и вместе со стаканом вернулась обратно в постель. Сделав несколько глотков, протянула стакан мужу. Николай допил коньяк, взял у жены сигарету и с удовольствием затянулся. Минут десять они спокойно курили, потом все повторилось.

По возвращении в Москву молодожены вселились в трехкомнатную квартиру, организованную для них заботливым тестем, в качестве свадебного подарка и жизнь потекла своим чередом.

Ромадин успешно делал карьеру. Через год он стал начальником отдела, потом главным инженером одного из филиалов, начал писать докторскую, но так и не закончил. Времени на науку оставалось все меньше и меньше, а номенкла-

турная рутина затягивала его все больше и больше. Сказать по правде, Николаю это нравилось, он начал ощущать вкус власти. Свое знание «закона кустарника» он шлифовал, совершенствовал и получал от этого огромное удовольствие.

***

На выходе Юля столкнулась с третьей Ромадинской стю-
тэуткой – Алиной. Бедная девка, пыхтя и отдуваясь, волокла за собой хозяйственную сумку–тележку, доверху наполнен-
ную бутылками.

Юля инстинктивно посторонилась, – Ты, что ящик купи-
ла?

–Полтора. Я же не электровеник, чтобы каждые десять минут в магазин гонять.

–А, чего сама? Водителей бы попросила или Егора Степа-
ныча.

–Их величество это не одобряет,–хмыкнула Алина,–Гово-
рит, что платит нам достаточно, чтобы мы могли притащить
что угодно и куда угодно. Сатрап мелкопоместный.

–Ну, не такой уж он и мелкий,–Юля дружески погладила
девушку по плечу и вышла в коридор

Из кабинета главбуха доносилось противное повизгива-
ние–это означало, что Базарычева на месте и с кем–то ак-
тивно выясняет отношения. Решив воспользоваться ситуа-
цией, Юля распахнула дверь и быстрым шагом подошла к
столу,–Рит, надо срочно. Ромадин велел,–кинула ей под нос
бумаги, и, не дожидаясь, когда та начнет орать, вернулась в

отдел.

В комнате было тихо. Людмила, искала документ в папках с делами, а Галка лихорадочно дышала в телефонную трубку. Юля включила компьютер и перевела взгляд на Наталью. Обычно живая и подвижная, сегодня она напоминала египетскую мумию: бледная, в лице ни кровиночки, а глаза, наоборот, красные и блестят лихорадочно.

–До чего же день паршиво начался,–Юля посмотрела на подругу,– Туся, может, перекурим?

Наташка молча поднялась из–за стола и также молча вышла в коридор. Призрак, да и только! Такой Юля её видела в первый раз,–Что случилось?

–Отстань!

–Говори!

Глаза у Натальи наполнились слезами,–Господи, у меня земля из–под ног уходит. У Сашки любовница!!!

–С чего ты взяла?

–Видела! Я вчера в гости к Аньке Кирсановой ездила, а остановка автобуса рядом с гостиницей «Альфа». Стою, жду. Вдруг, вижу знакомая машина, присмотрелась – точно: наша голубая «Ауди» и номер наш, и выходит из нее мой благодверный. Я, как последняя идиотка рванулась к машине, а он дверь заднюю открыл и руку протянул. Смотрю: вылезает оттуда баба моложе его лет на двадцать. А юбка короткая по «самое не балуйся». И, что ты думаешь, кругом народу полно, а они целуются, как ни в чем не бывало. У меня пе-

ред глазами все поплыло, чувствую – падаю. Хорошо парень с девчонкой меня под руки и на скамейку посадили. Народ кругом: «Что с вами? Может «Скорую» вызвать?», – а дедок валидол сует, – «Возьми, возьми, касатка, полегчает». Оглядываюсь – машина на месте, а их нет. Я на этой остановке часа два просидела, потом домой поехала. А этот мерзавец явился в половине третьего. Я притворилась, что сплю, а сегодня ни свет, ни заря поднялась и бегом из дому, – силы у Натальи закончились и она разревелась.

–Туся, голубушка, ну, успокойся. Не надо так.

–Как же не надо? Я же не кошелек в трамвае потеряла, я мужа потеряла.

–Ничего ты еще не потеряла. Откуда ты знаешь, какие у них отношения. Может быть, это просто так. Интрижка без глубоких последствий.

–И без словаря ясно, чем они там занимаются.

–Понятное дело, не в куклы играют, Ну, и что?

–Как это, что? Он же мне изменяет!

–Ты, что серьезно думаешь, что есть женатые мужики, которые хотя бы раз «налево не сходили»?–удивилась Юля,– Наивная чукотская девочка!

–Ничего я не наивная. У меня куча знакомых баб из–за этого в разводе.

–Ну, так чего же ты?

–Знаешь,–в Наташкином голосе опять зазвенели слезы,–я была уверена, что меня это не коснется. Глупо да? Что де-

лать—то?!

—Почему глупо? Сказки все любят, только не все в этом признаются. А вот советчик из меня никакой, я же «там» никогда не была.

—Где это «там»?

—Замужем.

—Сейчас мне уже кажется, что ты ничего не потеряла.

— Ну, это кому как, а ты все—таки пятнадцать лет с ним прожила.

—Семнадцать.

—Тем более. И потом, у вас две дочери,—напомнила Юля,—Еще чуть—чуть и бабкой можешь стать.

—Не дай бог!—замахала руками Наташка.

—Ну, это от тебя не зависит. Ты только глупостей не делай, попробуй с ним поговорить, что ли. Только без крика по возможности.

Они вернулись в комнату. Галка все еще висела на телефоне.

—Может, хватит,—не выдержала Людмила,— Ты уже час разговариваешь. Опять жалобы пойдут, что к нам дозвониться нельзя.

— Все, все, все, Люда—Ванна,—затараторила Галка,—заканчиваю,—но стоило ей положить трубку, как телефон опять зазвонил,—Алло? Минуточку. Юля, похоже, это твой «Арамис».

— Да. Здравствуйте. Узнала. Думаю, все будет готово ча-

сам к двум. Как вам передать договор? Что? После пяти? Где? У телеграфа? Хорошо еще, что не в ГУМе у фонтана. Договорились, но учтите, больше пяти минут, ждать вас никто не будет. Всего хорошего.

День прошел как обычно. Договор получила только в четыре часа. Алина принесла его уже со всеми визами, с директорской подписью и печатью.

—Это кто же так постарался?—удивилась Юля.

—Я. Кто же еще?

—Ты, что у него сегодня наказана?

—Я теперь у него всегда наказана, —девушка грустно покачала головой,—Уволюсь к черту.

—Ты, погоди. Не пори горячку.

—Если и горячка, то «белая». И не у меня, а у него,—голос у Алины предательски задрожал.

«Что это сегодня со всеми бабами? — подумала Юля.—У каждой второй глаза на мокром месте. Так и до всемирного потопа недалеко». Она посмотрела на часы и стала собираться, ей даже в голову не пришло, послать Галку на эту встречу. Времени было в обрез, можно конечно и не спешить, но опаздывать Юля не любила в принципе.

***

Алексея она увидела еще с «Камергерского». Он стоял на противоположной стороне Тверской и наблюдал, как она спускается в переход.

—Здравствуйте. Это вам,—он протянул ей красную розу.

–В честь чего?

–В честь замечательной погоды. Вы очень спешите?

Через час Юля должна была встретиться с сестрой, но почему–то ответила,–Нет, а, что такое?

–У меня предложение–потопчем бульвары. Вы кофе любите?

–Люблю.

–Тогда вперед.

–Хорошо, только мне надо позвонить.

Они стояли у «театрального» киоска. Алексей делал вид, что внимательно изучает афиши, а Юля пыталась дозвониться сестре. Номер отозвался короткими гудками, сделав две попытки, она сунула мобильник в сумку.

–Получили санкцию?–поинтересовался Алексей

–Ну, допустим, получила.

–Тогда, вперед!–он как–то по–свойски взял ее за руку, и Юле стало неловко. Она попыталась высвободиться, но, пальцы, как на грех, словно застряли в чужой ладони,–А чего вы такая тихая? Настроение кто–то испортил?

–Если честно, я просто не знаю о чем говорить,–призналась Юля.

–Тогда помолчим. Будем наслаждаться погодой, природой, архитектурой,–взгляд чистый, как у младенца, а руку ее так и не выпустил.

Они свернули на «Большую Никитскую», потом на «Тверской бульвар», потом в один переулок, в другой. .... Юля по-

нятия не имела, куда они идут. В сущности, какая разница. Было легко и приятно.

—Ну, вот и пришли,—Алексей кивнул в сторону неуклюжего здания, навалившегося на тротуар всей своей громадиной. Вывески на фасаде не было, а крутые и потрескавшиеся ступеньки вели куда-то вниз,—Приют покоя.

Это было сказано с такой торжественностью, что Юля не удержалась и съехидничала,—Не вечного, случайно?

—Не-е-е-е,—парировал Алексей,—Скорее постоянного.

Попав внутрь после яркого солнечного света, Юля не сразу заметила молодого человека за стойкой бара. А тот, напротив, приветливо замахал рукой и двинулся им навстречу.

—Здорово, Рост,— по тому, как Алексей поздоровался с барменом, чувствовалось, что он здесь не просто посетитель,— Много «капусты» срубил?

—Откуда?—молодой человек добродушно улыбнулся,—Народ в теплых краях пузо греет.

—Ну-ну.... Знакомься—это Юлия.

—Сергей,—представился молодой человек и добавил,—Вам у нас понравится.

—Конечно, понравится,—подтвердил Алексей. Безошибочно ориентируясь в пространстве, он отыскал уютный столик, усадил за него Юлю и вернулся к бару.

Народу в зале было немного. Несколько «одинок», небольшая компания и пара: он – седой красномордый мужчина с внушительным «пивным животиком», таких еще на-

зывают «папиками», она – совсем молоденькая блондиночка в мини юбке. Мужчина периодически прикладывался к спиртному и что–то раздраженно выговаривал своей спутнице, а та нарочито пялилась по сторонам.

–Как настроение?–Алексей поставил на столик бутылку шампанского.

–Что вы сказали?–Юля так увлеклась разглядыванием папочки, что даже не поняла, о чем ее спрашивают.

–Так, все ясно. Сейчас будем исправлять ситуацию. Как к шампанскому относитесь?

–Нормально.

–Уже хорошо. А вы знаете, почему поросята не летают? Потому что много едят. Предлагаю тост: за свободу полета! – Алексей деловито освободил бутылку от фольги и уже начал скручивать пробку, но тут из–за его спины появился Сергей с огромным подносом.

Он с потрясающим артистизмом переместил все его содержимое на столик, потом отобрал у друга бутылку, сделал какой–то магический жест, разлил шампанское по бокалам и снова улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой,–Приятного вечера. .... Да, Мач, Шустрый просил передать, чтобы ты ему позвонил.

Когда Сергей отошел на приличное расстояние, Юля заинтересовалась,–С, каких это пор, бармен подрабатывает официантом?

–Он не только бармен, – усмехнулся Алексей,–Он еще и

совладелец этого заведения и не только этого.

–Вы, что важная особа?

–Не то слово!

–А почему Мач? И кто такой Шустрый? Здесь, что мафиозный притон?

–Конечно. И имя у этой мафии – бывшие одноклассники. А с Шустрым мы еще и в институте вместе учились.

–Значит Шустрый–это прозвище. Он, что учителям часто пакости делал?

– Да, нет. Как все. Шустрый, потому что Шустров, Рост – Ростовцев, а Мач–это середина моей фамилии – ТолМАЧов. А вас как в школе звали? «Комариком», «Мушкой»? Комарова–это же ваша «девичья» фамилия?

Юля внимательно посмотрела на Алексея и почувствовала едва уловимый страх, ужасно захотелось сбежать, но не сбежала,–Что вы там говорили о свободе полета?

–Неважно,–Алексей разлил шампанское,–Давайте выпьем за праздник. У меня их по жизни три: день рождения, Новый год и лето. До Нового года далеко, день рождения у меня в марте, следовательно,–за лето. А следующий тост у нас будет «за миги и множества», как говорится: больше событий хороших и разных!

Внезапно заиграла музыка, народу заметно прибавилось. Пара, на которую Юля обратила внимание в начале вечера, уже была готова перейти к выяснению отношений. Девушка нервно курила и усиленно поглядывала по сторонам, явно

игнорируя своего спутника, а тот красный как редиска сосредоточенно налегал на коньяк.

Алексей распечатал пачку «Marlboro»,—Позволите? Вам не предлагаю, вы предпочитаете другой сорт сигарет.

—Откуда знаете?—удивилась Юля.

—Видел пачку у вас на столе.

—Мы второй день знакомы, а такое чувство, что вы за мной полгода следили.

—Просто я внимателен к людям, которые мне интересны,—пауза и взгляд в упор, как кинжал,— А вы интересны.

—Неужели мой стриптиз произвел на вас такое сильное впечатление?

—Который? Тот, что я наблюдал в конторе или тот, что со двора?

—А я так надеялась, что второго вы не видели,— Юля удрученно вздохнула и решила сменить тему, —Шампанское замечательное.

—Люблю классический вкус, хотя сейчас, у некоторых дам, появилась мода на «Мартына с Толиком».

—На что, простите?

—На «Мартини» с тоником.

—Забавно,—улыбнулась Юля,—Первый раз слышу.

Алексей уже собрался провозгласить третий тост, но в этот момент к столику подошел Сергей,—Прошу прощения. Мач, тебя Шустрый к телефону. Говорит, что никак не может на твой мобильник пробиться.

—Извините, я оставляю Вас минут на десять,—Алексей слегка пожал Юлину руку и направился к бару. А ведь за весь вечер она не слышала ни одного звонка, значит, телефон был отключен. Надо же....

—Где он вас выловил?

Сергей задал вопрос с такой доверительно—дружеской интонацией, что Юле даже в голову не пришло обидеться,—А почему вы уверены, что он, а не я?

—Просто не родилась еще та женщина, которая может Мача поймать. Лешка делает только то, что сам считает нужным.

—Это предупреждение?—поинтересовалась Юля и, чтобы скрыть свою заинтересованность, сделала вид, что размешивает сахар в кофе, а его там и в помине не было.

—Нет, что вы!—поспешил заверить Сергей,—Констатация факта. Мы же с ним с детского сада знакомы. Нам тогда по пять лет было. Когда его первый раз в нашу группу привели, он сразу полез драться к Борьке Матюхину. А тот здоровый был на целый год старше и всех забивал, ну, и само собой на костылял ему по первому разряду, и, что вы думаете, Лешка испугался? Ничего подобного! На следующий день повторилось то же самое. Недели две Леха регулярно получал по шее и все равно каждый раз задирался первым. Потом Борька плюнул и, как бы признал его за равного. Он говорил потом, что Мач научил его уважать противника. А Матюхин дело знает, в прошлом сезоне на «Европе» бронзу взял в среднем

весе. Он и боксом—то начал заниматься после этих драк с Мачем.

—Леша сказал, что вы не только бармен, но и совладелец заведения?

—Вроде того,—Сергей смутился, было понятно, что в роли бармена он чувствует себя гораздо уютнее, нежели в роли хозяина.

—Хорошее место. А кофе просто замечательный. Я считаю: любую кухню можно сымитировать, а вот кофе—нет. У вас оно настоящее, я такое только в детстве пила, когда еще в коммуналке жили. Там одна соседка была, как тогда говорили, из «бывших». Не знаю, правда, из каких — дворян или интеллигентов. Так вот, кофе она готовила, как никто. За зернами всегда ездила в магазин на Мясницкую, знаете, тот, что в виде китайского домика? Потом жарила их на большой чугунной сковородке, и какие—то только ей известные ингредиенты добавляла. Молола она кофе ручной мельницей, ставила ее себе на колени и медленно—медленно вращала ручку на крышке, а мне казалось, что она вертит шарманку. Еще в нашей коммуналке была потрясающая традиция, по воскресеньям все хозяйки устраивали еженедельный «утренник», сдвигали два стола на середину кухни и собирали у кого, что было, а Евгения Яковлевна варила на всех кофе в большом медном кофейнике и каждый раз повторяла: «Рецепт моей бабушки. Царствие ей небесное»

—Вот и у меня рецепт бабушки, а ей он достался от своей

бабушки. Очень может быть, что где-нибудь мои родственники, и ваша соседка пересекались.

Трах, бах, дзинь, блям.....,—А-а-а-а!!!! ...— грохот и пронзительный женский крик, разом перекрыли все остальные звуки, включая музыку.

Давешний красномордый мужик, размахивая пустой бутылкой, словно гора возвышался над перевернутым столом, а весь пол вокруг был усеян осколками битой посуды. Девушка же оглушительно верещала и цеплялась за бритого «качка».

Сергей сориентировался мгновенно, он быстро вскочил и что-то крикнул охране, но те, похоже, свое дело знали. Два здоровых парня схватили мужика с бутылкой, еще двое навалились на «качка», а сам Сергей сграбастал девушку.

Юля и не заметила, как рядом с ней оказался Алексей.

— Не зацепили?

— Нет. Сережа берег меня как хрустальную вазу.

— Пойдем. Сейчас наряд приедет, а этот бритый явно профессионал.

Стараясь не наступать на осколки они стали пробираться к выходу и уже у лестницы встретили Сергея.

— Как ты? Обошлось?— он с тревогой заглянул Юле в лицо.

— Ты же меня прикрыл, как Матросов амбразуру.

— Не думай, что здесь такое постоянно. Обычно у нас свой круг и публика в меру резвая. Но, сама понимаешь..... издержки, — Сергей виновато развел руками,— Извини, что я на «ты»..... Ситуация заешь ли.....

—Ну, что ты,—улыбнулась Юля,—как мой спаситель имеешь полное право.

—Вы все—таки повнимательнее. Своего геморроя, мало что ли? А тут еще «братки» пришлые, — было видно, что Алексей не на шутку обеспокоен.

—Охране я уже «навешал»,—успокоил его Сергей,—А, ты, Юль заходи почаще. Посидим, поболтаем. Теперь моя очередь воспоминаниями делиться.

Юля с готовностью закивала головой,—Спасибо, обязательно зайду.

—Ладно, Рост,—Алексей пожал приятелю руку, —Созвонимся,—потом обнял Юлю за плечи и они вышли на улицу.

Снаружи их встретили теплый бархатный воздух и мягкие сумерки. Редкие фонари освещали прилегающее к ним пространство ровно настолько, насколько это было необходимо для приблизительной ориентации, Юля и понятия не имела куда идти. Она посмотрела на Алексея, его руки по—прежнему располагались на ее плечах. Посмотрела долго, и как ей казалось, выразительно. Он спокойно выдержал ее взгляд, но руки так и не убрал, — Устала? Может быть, пройдемся?

***

Юля открыла глаза, на часах было без пяти шесть. Через балконную дверь доносилось веселое чирикание. «Опять будет жарко»,— подумала она и перевернулась на другой бок. Вставать рано, а спать больше не хотелось. Юля еще раз потянулась и вспомнила: «Завтра махнем за город. В девять я

за тобой заеду». Он даже ответа не дождался, вошел в лифт и исчез, а она осталась на лестничной площадке.

— Не поеду. Я ему не одалиска. Тоже мне шах персидский. . . ., — злилась Юля, — Этого нахала следует посечь. В деревню уеду, к бабке.

Но стоило ей представить, как она идет по жаре пять километров пешком, а потом остаток субботы и все воскресенье торчит кверху задом на грядках, злость её тут же пропала.

Валяться расхотелось. Юля нехотя встала, пошла в ванную и с наслаждением залезла под душ. Вода ласково стекала по спине и груди. Она закрыла глаза и представила, как чьи-то руки медленно гладят ее плечи, потом спускаются все ниже и ниже. . . ., — «Тьфу! Нимфоманка. Совсем свихнулась», — резким движением закрыла воду и с ожесточением принялась растирать себя полотенцем.

В кухне стояла нестерпимая духота. Пока Юля размышляла, что лучше сварить кофе или выпить минеральной воды, зазвонил телефон.

— Ты, чего вчера не приехала? — голос сестры был, как всегда, требовательный и недовольный.

— Не получилось. Я звонила, но у тебя было занято.

— А, где ты была?

— Работала.

— Я тебе и в контору звонила, и домой часов до двенадцати ночи.

—Я в другом помещении была, а домой попала уже в первом часу,—«Чего это я отчитываюсь перед ней, как школьница, — подумала Юля,—И вру зачем—то».

—Слушай, мы сегодня с Виталиком в деревню едем. Мать просила кое—что привести. Можем тебя захватить. Хочешь?

—Я сегодня работаю.

—В такую—то жару?

—Так получилось,—Юля положила трубку и потянулась за кофейником, но телефон снова зазвонил.

—Привет. Уверен был, что не спишь,—Алексей прибывал в отличном настроении.

—Ну, уверенности тебе не занимать,—даже по телефону было понятно, что у этого субъекта рот до ушей,—Это я заметила.

—Ты на меня обиделась?

—А есть за что?

—Неважно. Если женщина чем—то недовольна, то в этом обязательно виноват мужчина. Я приеду?

Юля посмотрела на часы, они показывали половина седьмого утра,—Приезжай.

Когда минут через десять у входной двери затренькал звонок, она даже не удивилась. Определенно из машины звонил или, того лучше, от подъезда, и вдруг поймала себя на том, что не испытывает никакой досады.

Звонок потренькал еще раз. Юля не двигалась и только после третьего раза пошла открывать.

–Испытываете, барышня,–что–то необъяснимо притягательное искрилось у Алексея в глазах, опять же голос.....– Не стоит. Я терпеливый.

Но Юлино достоинство решило все–таки посопротивляться,–Масса положительного: уверенный, смысленый, терпеливый..... Куда мне столько одной?

–Это уж ты сама решай, но я думаю пригодится.

После этих слов события начали развиваться по своему собственному сценарию. Сначала они целовались в коридоре, постепенно перемещаясь в сторону комнаты, потом в углу между дверью и шкафом, потом..... Пол, потолок, стены.... Единственное, что четко зафиксировалось в Юлиной голове–это сильные руки Алексея и фраза, которой она себя обругала: «Куда ты лезешь, дура, опомнись!!!»..... Потом она еще долго не решалась открыть глаза, а когда все–таки открыла, то наткнулась на внимательный взгляд. Алексей лежал на левом боку, приподняв голову на руку,–Как ты?

–Нормально. А ты?

–А я просто здорово! Единственное что меня огорчает–это твои угрызения совести.

–Какие угрызения? Нет ни каких угрызений,–Юля действительно не чувствовала ничего подобного.

–Это точно?

–Господи, ты, что меня допрашиваешь? Имей в виду: я всегда говорю правду или не говорю вообще.

–Я тебя не допрашиваю, а забочусь, – Лешка решительно

тряхнул головой, – Нрависься ты мне, и ничего я с этим поделать не могу, да и не хочу, если честно.

–Вот и я не хочу.

–Чего не хочешь?

–Делать с этим ничего не хочу,–она обняла Алексея за шею и притянула к себе, потом аккуратно, как бы пробуя на вкус, дотронулась до его губ. Потом, опускаясь вниз по шее, добралась сначала до груди, потом до живота. . . . И услышала стон, больше похожий на урчание довольного зверя. . . .

Тик–так, тик–так, тик–так. . . . Юля повернула голову к окну, солнце уже давно зенит перевалило,–Есть хочешь?

–Неплохо бы, – отозвался Алексей.

–Сейчас посмотрю в холодильнике. Не думаю, что там много чего найдется, но ревизию провести можно.

–У меня другая идея. Поехали обедать.

–Идет,–у Юли, словно камень с души упал,– Только куда–нибудь в спокойное место.

–Как скажешь, дорогая.

–Не издевайся, а то получишь по шее.

–Ну, уж, нет,–расхохотался Алексей,– Моя шея мне еще пригодится, да и тебе тоже.

Через полчаса они уже сидели в машине и ехали по направлению к центру.

***

В метро было на редкость свободно–это потому что Юля сильно опаздывала, а тут еще, как на грех, поезд минут два-

дцать в туннеле простоял. «Если Ромадин с утра на работе, точно шухер будет. Наплевать. Отправила я вчера факс Горину или нет?: Убей бог, не помню. ....»

В конторе на первый взгляд все было спокойно. На всякий случай Юля зашла в канцелярию узнать насчет факса. Слава богу, факс не только был отправлен, но и ответ на него уже пришел. Внимательно изучая полученную бумагу, она открыла дверь в свою комнату.

–Здравствуйте, девоньки.

На приветствие ответила только Людмила. Галка мечтательно пялилась в окно, а Наташки в комнате не было.

Зазвонил телефон, Юля взяла трубку и услышала Ромадина,–Юлия Сергеевна?–фирменный Ромадинский баритон ни с кем не спутаешь,– Добрый день, зайдите, пожалуйста, ко мне.

–Хорошо Николай Александрович,–это в трубку, а про себя: «Чего это он такой официальный и вежливый. Ой, не нравиться мне это».

В приемной все «стюютюэтки» были на месте. Оксана копалась в почте, Алина что–то печатала, а Зоя готовила кофе. Ситуация, по всему видно, просматривалась серьезная. Юля наклонилась к Алине,–Что происходит? Он там трезвый или как?

–Не то слово! Как стеклышко. Там какой–то важный мужик. Шеф вокруг него на задних лапках бегаёт.

–Ничего себе! Кто бы это мог быть?

–Без понятия,–пожала плечами Алина.

Юля решительно толкнула тяжелую дубовую дверь, – Разрешите?... Добрый день.

–А, заходи, заходи....,–директор был трезв, бодр и радостен, – Познакомьтесь, пожалуйста – это начальник отдела финансового планирования и бюджетного мониторинга Юлия Сергеевна Комарова. А это председатель совета директоров ЗАО «Нижнеюганскнефть» Юрий Антонович Моторин.

Юля перевела глаза и потеряла дар речи. Перед ней стоял тот самый мужик, с которым три дня назад она встретилась в метро. Еще никогда в жизни Юля не попадала в такую дурацкую ситуацию, мужчина, похоже, пребывал в таком же состоянии. Обстановку разрядило появление Зои с накрытым подносом.

–О, как раз вовремя,–засуетился Ромадин,– Юрий Антонович, вам кофе или чай?

–А, что это вы Николай Александрович, с меня начали,–Моторин даже голову в его сторону не повернул,– А почему даму не спрашиваете?

–Ну, вкусы Юлии Сергеевны я хорошо знаю. Она у нас предпочитает кофе. Так что же вы будете?

–Кофе,–улыбнулся гость,– С большим удовольствием составлю компанию Юлии Сергеевне.

–А может быть, с коньячком?–Ромадин достал из шкафа бутылку французского,–Юль Сергеевна, ты как?

–Спасибо, нет, – решительно отказалась Юля,– Не хочу портить божественный напиток, Зоя Дмитриевна его замечательно готовит.

–Это правда. Зоинька у нас большая мастерица и не только по части кофе, – снова засуетился Ромадин,– А коньячок первое дело для расширения сосудов. А вы, как считаете Юрий Антонович?

«Керосинить меньше надо, тогда и сосуды расширять не придется»,– грызнулась Юля про себя,–«А Колька–то явно пытается этому мужику угодить»,–Ромадина она знала хорошо, открыто лизоблюдничать было не в его правилах,– «У нас, что крупные неприятности или, наоборот?».

Голос шефа вернул ее к реальности,–Так вот, Юлия Сергеевна, нам предстоит долгое и я, надеюсь, успешное сотрудничество с Юрием Антоновичем. Работа интересная, многообещающая, мы тут наметили несколько перспективных направлений.

–Могу я узнать, как будет оформлено это сотрудничество?–Юля почувствовала, что острый взгляд гостя направлен в ее сторону.

Ромадин поморщился,–Ну, ты в своем репертуаре, сразу быка за рога.

–Позвольте мне, Николай Александрович,–гость явно брал инициативу в свои руки,– Видите ли, Юлия Сергеевна, мы хотим заключить договор о сотрудничестве между нашими организациями. А потом в рамках этого документа бу-

дем заключать другие договоры уже на конкретную работу с четко определенными сроками и суммами оплаты. Это дело не одного и не двух дней, так что видеться нам придется довольно часто. Вы не против?

Юля вздрогнула. Интонация, с которой были произнесены последние слова, показалась ей знакомой.

Лицо Ромадина расплылось в радостной улыбке, – Вот и замечательно. Я уже попросил Юрия Антоновича записать твои координаты.

Юля сделала над собой усилие и тоже попыталась улыбнуться, – Значит, все детали мы будем обсуждать, когда появятся документы. Я правильно поняла?

– Абсолютно правильно, – Ромадин был доволен, – Ну, что же предварительно мы все обсудили. Вы, Юлия Сергеевна, можете идти, а мы с Юрием Антоновичем еще кое о чем поговорим.

Юля молча пожала плечами и направилась в отдел.

Часы на стене показывали половина первого, Галка и Людмила собирались на обед, Натальи по-прежнему видно не было.

– Грачева, что-болееет?

– В курилке она, – Людмила неодобрительно покачала головой, – смолит последнее время по-черному.

– Люся, не будь занудой. Ты же сама сорок лет курила.

– Так я же бросила.

– И она бросит, как только сорок лет пройдет.

–Тебе все шуточки. Вместо того чтобы скалиться, провела бы воспитательную работу.

–Так я же сама курю,–отмахнулась Юля.

–И ты брось.

–У–у–у.... Как все на сурьез пошло....

–Смейся, смейся,–проворчала Людмила,–Потом плакать будете.

–Ладно, учту,–сдалась Юля,– Галка, где договор на поставку техники?

–Я все сделала, мне его только распечатать осталось. Можно я потом, после обеда?

–Это когда? Часа через четыре?

–Ну, Юль, ну, честное слово я скоро.

–Ох, если бы я с твоей матерью когда–то не работала и тебя с детства не знала, то давно....,–Юля сделала красноречивый жест рукой.

–Ну, хорошо, хорошо, я сейчас все распечатаю,–Галка выразительно зашмыгала носом, и глаза у нее покраснели.

–Иди, Христа ради, отсюда. Я сама.

–Ой, спасибо. Я ненадолго.....,–дальше только стук Галкиных каблуков.

–Опять пожалела. Имей в виду, на свою шею это,–Людмила укоризненно посмотрела на Юлю и вышла.

За окном лениво шелестели деревья, и поток жаркого воздуха медленно вливался в комнату. На какой–то момент показалось, что пространство наполнилось горячей вязкой

массой. Юля включила вентилятор и подседа к Галкиному компьютеру. Нужный файл она искала минут пятнадцать. Имена у всех были практически одинаковые и отличались только нумерацией, а каталог файлов отсутствовал. «Вот, паршивка. Сколько раз говорила, что библиотека должна быть составлена так, чтобы любой мог в ней разобраться. Уволю. Людмила права, подведет она меня когда-нибудь под монастырь».

–Ты в корневом каталоге посмотри,–Юля вздрогнула от неожиданности и обернулась.

За спиной стояло существо, отдаленно напоминающее Наталью: бледное измученное лицо и взгляд как у побитой собаки, –У нее там папка есть с названием «Мудянка», а файл «X №8».

–И, что это значит?

–Догадайся с трех раз.

–Пускай только вернется, я ей устрою «X №8»,– Юля, наконец, нашла нужный файл и стала его проверять. На первой же странице обнаружила сразу шесть ошибок и, злобно чертыхаясь, стала исправлять текст. Вдруг странные булькающие звуки заставили ее обернуться.

Наталья, обеими руками схватившись за горло, почти лежала на подоконнике

Юля метнулась в ее сторону,–Господи, Туся, что с тобой?–она с трудом усадила подругу на стул,–Потерпи, милая, я сейчас «Скорую» вызову.

—Сумку, сумку дай,—прохрипела та,—там лекарства...там...найдешь... ингалятор...

Юля кинулась к столу и вывернула наружу все содержимое Наташкиной сумки,—Сейчас... Сейчас... потерпи, родная....,—кое-как отыскала проклятый ингалятор и трясущимися руками несколько раз пшикнула подруге в рот, через пару минут дыхание у Наташки восстановилось,—Ты, как, а?

—Ничего. Сейчас еще таблетку приму, и все будет «пучком».

—Слушай, что такое с тобой? Я раньше этого не замечала.

—Раньше—это в другой жизни. Ясно?

Юля облегченно вздохнула: «Огрызается, значит живая», потом посмотрела на свои руки, пальцы все еще дергались,—Вот что, тебе проветриться надо, на живых людей посмотреть, пойдем, погуляем.

—На живых говоришь? Мысль хорошая.

—Пойдем, пойдем, милая,—Юля сгребла лекарства обратно в сумку и помогла подруге подняться.

С Натальей они познакомились в пионерском лагере, было им тогда по тринадцать лет.

Юле эта девчонка сразу не понравилась, слишком уж надменный был у нее взгляд. И точно, Наташка держалась, как королева. В отличие от других девчонок, больше напоминающих ощипанных гусят, она была довольно симпатичной. Многим ребятам, особенно из старших отрядов, Наташка нравилась, даже некоторые вожатые поглядывали на нее со

значением. Правда, Юльке на это было глубоко плевать, у нее были свои интересы и своя компания. Для них самым любимым занятием было выбраться в лес за территорию лагеря, где в укромном месте был сооружен шалаш, вернее не шалаш, а индейский вигвам. Юля и ее приятели запоем читали Майн Рида и Фенимора Купера, благо в лагере была отличная библиотека, а потом самозабвенно играли в индейцев. Главное условие: проскочить никем незамеченным до заветной дырки в заборе, поэтому до вигвама каждый добирался в одиночку.

В одну из таких вылазок Юля по ошибке свернула не на ту тропинку и заблудилась. Окончательно запутавшись, она остановилась возле зарослей орешника и вдруг услышала странные звуки, пыхтение и тихое поскуливание.

Первая мысль – бежать. По лагерю ходили слухи, что в лесу бродит стая одичавших собак. Но, если это собаки, сообразила Юля, бежать бесполезно, все равно догонят, значит, надо срочно прятаться. Не найдя ничего лучшего, Юля полезла в орешник, а когда раздвинула ветки, увидела поляну и дерево, к которому какой-то дядька прижимал девочку. Платье на девочке было разорвано, а волосатая дядькина рука уже проникла ей в трусики.

Наташку Юля узнала не сразу, настолько та была испугана. Бедняжка даже не плакала, а только тихо скулила: «Не надо, пожалуйста, не надо.....» Не обращая никакого внимания на ее просьбы, дядька грубо оторвал бедняжку от де-

рева и повалил на землю. И тут Юля его узнала – это был лагерный физрук, очень неприятная личность с сальными глазами. От ужаса по спине у нее забегали мурашки и, медленно пятясь задом, она выбралась из кустов, а когда отошла на приличное расстояние громко закричала: «Наташка, ты где? Наташка, ау? Миша, ты там ее поищи, а я здесь пошарю!» Потом подождала минут пять, и опять полезла в кусты. Физрука на поляне не было, а Наташка сидела на земле и редела. Опасливо оглядываясь по сторонам, Юля быстро пересекла поляну и протянула ей руку: «Вставай! Вот там ручей, умоешься». Та всхлипнула еще пару раз, потом поднялась и пошла следом за Юлей. В лагере об этом случае никто не узнал, а через неделю смена закончилась, и все разъехались.

Вторая их встреча состоялась через десять лет, в Крыму. В то лето Юля отдыхала в компании четырех девчонок. Устроились они удачно, сняли небольшой сарайчик почти на берегу моря и целыми днями валялись на пляже, а вечером ходили на танцы в какой-нибудь дом отдыха. И вот в один из таких вечеров Юля заметила, что ее разглядывает какая-то девица, лицо показалось знакомым. Поначалу она не обратила особого внимания, ну, смотрит и смотрит, но потом это стало ее раздражать: «Если через пять минут не прекратит, подойду и устрою скандал».

Но девица подошла сама и, едва заметно смущаясь, спросила: «Простите, Вас Юлей зовут? А фамилия Комарова?»
– Да. А откуда вы меня знаете?

—Мы с вами когда-то в пионерском лагере вместе были. Я Наташа Лысенко. Помните? Только теперь моя фамилия Шагаева. Мы с мужем здесь отдыхаем.

Вот так они и познакомились во второй раз. От прежней Наташки, которую Юля когда-то знала, не осталось и следа. Теперь это была открытая компанейская девушка, и муж у нее оказался отличным парнем. Отпуск тогда получился замечательный, компания подобралась большая, почти все из одного города, заводилой был Женька Шагаев. Ему в голову постоянно приходили отличные идеи: то он предлагал вылазку в горы, то пикник на пляже, то ночное купание. Три недели пролетели незаметно, напоследок все обменялись телефонами и договорились встретиться в Москве. Обычно подобные обещания никто не выполняет, и Юля очень удивилась, когда Наталья ей позвонила и пригласила на день рождения.

С этих пор и началась их дружба, они вместе отмечали праздники, ездили за город, ходили в гости, устраивали вечеринки. Вот на одной такой вечеринке Наталья и встретила своего теперешнего мужа Сашку Грачева.

Роман их развивался со скоростью курьерского поезда, уже через две недели Наталья заявила Шагаеву, что уходит, собрала вещички и переехала к тетке на «Пятницкую», а еще через месяц обнаружила, что беременна. Сашка воспринял эту новость без видимого энтузиазма, но предложил съехаться, Наталья была на седьмом небе от счастья. У её тетки бы-

ло две комнаты в коммуналке, одну она отдала племяннице, выделила кое-какую мебель и обещала иногда помогать с ребенком. Вот в этом-то двадцатиметровом раю и началась у Наташки новая жизнь.

Сначала родилась одна дочь, потом почти сразу вторая. Денег постоянно не хватало, девочки болели, но она словно светилась от счастья и совершенно не замечала, что ей все приходится делать самой, что мужа постоянно нет дома. А может быть, просто не хотела этого замечать. Грачев был мужик умный и по службе двигался успешно, начальник сектора, лаборатории, отдела. Дальше, больше: появились первые кооперативы, потом первые банки, вот в один из таких банков его и пригласили работать. Строго говоря, банкиром Грачев никогда не был, он был классным специалистом по охранным системам, одним из лучших в стране, именно поэтому и пользовался таким спросом. Со временем у него появилась собственная фирма, потом он стал председателем Концерна, потом Ассоциации, а дальше Юля уже разбиралась смутно, знала только, что Грачев фигура крупная и связи у него большие. А Наталья все это время, как и положено образцовой жене, готовила, стирала, убиралась, ходила на школьные собрания, в общем, из кожи вон лезла, чтобы у мужа был надежный тыл. Их жилищные условия давно уже претерпели существенные изменения. Теперь это уже были не двадцать метров перегороженные пополам старой китайской ширмой, это была огромная шести комнат-

ная квартира с длинным напоминающим загородное шоссе коридором. Кроме того, в двадцати километрах от Москвы, Грачев практически заканчивал строительство трехэтажного коттеджа. Это место Сашка называл именем и очень им гордился.

По правде сказать, гордиться было чем. Помимо основного здания, на участке был построен небольшой гостевой домик, роскошная баня, беседка, летняя столовая, с примыкающей к ней кухней, гараж, два сарая и все это располагалось в лесу. Грачев, надо отдать ему должное, строго следил за тем, чтобы строители максимально бережно обращались с деревьями, и, как следствие, имение получилось «на славу». Но Наташка там бывала редко, предпочитая дачный участок в Перхушково, когда-то ее покойный отец получил это «великолепие» размером в шесть соток от завода «Калибр», на этой даче практически выросли ее девчонки, и вообще там все было свое родное. Каждые выходные в течение всего дачного сезона Наталья старалась выбраться в Перхушково, оправдывая эти поездки необходимостью помочь матери, которая ни за что не хотела перебираться на новый участок.

Это свое «нежелание» Надежда Осиповна объясняла привычкой пожилого человека к определенному месту, но на самом деле она терпеть не могла зятя. Невзлюбила она его с первого раза, как только увидела. Может быть, потому что сразу поняла какой это человек, а может быть из-за первого мужа дочери. Юля склонялась ко второму варианту. Евгений

Шагаев был сыном школьной подруги Надежды Осиповны, и по сути дела, первый Натальин брак был творением рук матери, наверное, поэтому он и лопнул в одну секунду, как воздушный шар. Женька с Наташкой прожили вместе четыре года, и за это время у них не было не только крупных ссор, но и незначительных размолвок, их семейная жизнь была похожа на хорошо отлаженный механизм. Они относились друг к другу по дружески, но не более того, и так, возможно, прожили бы всю жизнь, если бы Наталья не встретила «ураган» по фамилии Грачев. И еще Надежда Осиповна не особенно жаловала Юлю, она искренне считала ее виноватой во всем, что произошло. Во-первых, потому что это Юлька затащила Шагаевых на ту роковую вечеринку, а во-вторых, потому что она не доглядела и позволила Наталье закрутить роман с посторонним мужчиной при «живом» муже. Правда, через год, после того как Шагаевы развелись, выяснилось, что у Женьки уже давно была женщина гораздо старше его и с ребенком от первого брака, на которой он потом и женился. Только после этого Юля в глазах Надежды Осиповны была частично реабилитирована.

Ни новые знакомства, ни деньги мужа не превратили Наташку в тупую напыщенную халду. Она, как и прежде сама занималась домом и воспитанием дочерей, хотя по настоянию Сашки и обзавелась помощницей по хозяйству. А, еще не смотря ни на что, Наталья упорно продолжала работать, она до последнего момента держалась за свое НИИ. А ко-

гда там все окончательно развалилось, Юля взяла ее к себе, как ни как «архивариус» с высшим образованием, да еще с «красным» дипломом. И вот теперь они вместе стояли у витрины какого-то супермодного магазина.

Наталья решительно тряхнула волосами,—Пойдем!

—Куда?—не поняла Юля.

—Что за идиотский вопрос?—вскипела Грачева,—Туда, конечно!

В магазине было прохладно и пусто. Не успели они оглядеться, как им навстречу вышел молодой человек в светлом костюме,—Добрый день. Чем я могу вам помочь?

—Мне нужно вечернее платье,—судя по всему, Наташка была настроена серьезно.

Молодой человек засиял, словно бога увидел, — Сюда, пожалуйста. Валя, займись клиентами. Нужно вечернее платье.

—Вам для коктейля или светской вечеринки?—чуть шепелявя, произнесла рыженькая девица, которую молодой человек назвал Валей.

—Мне для приема в посольстве,—как бы нехотя произнесла Наталья, и с размаху плюхнулась на кожаный диван.

—Одну минутку,—Валя посмотрела на нее оценивающим взглядом и скрылась в недрах магазина.

Юля присела рядом с подругой,—Слушай, а у тебя деньги—то с собой есть? Тут цены, небось, как телефонные номера.

—У меня в сумке три кредитки, ни разу пока не пользова-

лась,—успокоила ее Наташка,—вот и попробуем.

—А, если они торгуют только за наличные?

—Им же хуже.

Валя вернулась в сопровождении двух молоденьких продавщиц. Все трое, словно мулы, были нагружены огромным количеством коробок разной величины

—Вот, позвольте Вам предложить....,—произнесла Валя тоном профессионального искусителя, и из коробки появилось «нечто» потрясающее сиреневого цвета.

—Мне бы хотелось черное,—Наташка выглядела, как полководец перед битвой,—Нет, нет. Оставьте. Это для подруги, ей удивительно идет сиреневый цвет. А вот — это чудно....,—и она, подхватив платье, направилась в примерочную.

—Кофе, чай, сок?— Юля вздрогнула. Перед ней с подносом стояла одна из девушек.

—Кофе,—машинально произнесла Юля, слегка обалдевшая от неожиданности.

—Чувствуйте себя как дома. Я сейчас принесу ваш размер,—фраза была произнесена таким профессионально заученным тоном, что казалось, выговаривал ее не живой человек, а робот. Юле даже захотелось ткнуть в это создание пальцем, дабы убедиться в реальности происходящего, но девушка подхватила коробку с сиреневым облаком и исчезла.

—Юль, как тебе?—в длинном платье, к тому же обильно разукрашенном золотым шитьем, пухленькая, небольшого

роста Наталья выглядела довольно карикатурно,—Ничего не говори. Все и без слов ясно. Сомневаюсь, что мне вообще можно подобрать что—нибудь подходящее,—в ее голосе опять звенели слезы.

Надо было срочно спасти ситуацию.

Юля протянула Наташке носовой платок и повернулась к Вале,—Можно что—нибудь не такое помпезное?

Минут через двадцать в результате совместных усилий было подобрано не только замечательное платье фишашкового цвета, но и туфли, сумочка и даже шляпка.

—Ну, смотри какая прелесть! На свете нет женщин, которым ничего не идет, есть женщины, которые просто не знают, что им нужно,—Юля развернула подругу лицом к зеркалу и увидела девушку, которая держала в руках большую коробку.

—А, вы, будете мерить платье?—неосторожное движение и крышка полетела на пол, а следом за ней заструилась сиреневая ткань.

—Будет, будет!!—радостно завопила Наталья

—Нет, нет, —Юля решительно замахала руками,—Туся,—это лишнее.

—Юля я тебя очень прошу. Умоляю! Ну, пожалуйста..... Выбирай: или ты примеряешь платье, или я сейчас устраиваю истерику.

Сообразив, что подруга не шутит, Юля обозвала ее шантажисткой и, в тайне надеясь, что наряд не подойдет, напра-

вила в примерочную.

Но платье сидело идеально, все присутствующие выразили свое единодушное одобрение. Особенно была довольна Наташка и, опасаясь Юлиных возражений, тут же пожелала расплатиться.

Нагруженные множеством коробок, но ужасно довольные они вернулись в контору.

***

Машина, плотно увязнув в общем потоке, медленно ползла по «окружной».

«До чего же жизнь дерьмово устроена. Бьет, собака, когда не ждешь. Виновата я перед тобой, Наталья. Знала же, что твой супруг кобель, каких мало. Ну, положим, мужики вообще не страдают повышенным воздержанием, но через три дня после свадьбы клеиться к подруге жены—это своего рода рекорд. Ох, господи!»

—Юль, ты, где?—Алексей тронул ее за плечо,—Потерпи немного, сейчас свернем, тогда легче будет.

—Да, так. Мысли не самые веселые.

—У тебя неприятности?

—У меня нет. С подругой нехорошо.

—Расскажешь?

—Потом,—отмахнулась Юля.

—Ладно, как хочешь,—Алексей перевел взгляд на дорогу, там какой-то нахальный «Мерс» активно пытался влезть между его «Опелем» и впереди идущей «Нивой». Наконец

машина вырулила с «окружной» и помчалась по Рязанскому шоссе.

Дышать стало значительно легче. По обеим сторонам дороги гнездились добротные холеные дома. Среди них было много двух и даже трехэтажных, особенно хорош был один – пятиугольной конфигурации с ломаной крышей и мансардой. Потом деревня закончилась и началась лесополоса, стройные березки радостно тянулись вверх, покачивая зелеными гривами из стороны в сторону. Они выглядели такими веселыми и беззаботными, словно окружающий мир достиг всеобщей гармонии.

Неожиданно машина резко затормозила, Юлия даже подпрыгнула на сидении, – Что случилось?

– Извини, – Лешка виновато заглянул ей в глаза, – Поворот проскочил. Редко теперь сюда ездю.

– А, куда мы, собственно, едем?

– В гости к моему детству.

– Это как? – удивилась Юлия

– Увидишь, – Лешка сдал машину назад, бодренько промчался таким образом метров тридцать, потом повернул направо и, подняв огромные тучи пыли, выехал на узкую плохо заасфальтированную дорогу, – Прикрой пока окно, а то пыли наглотаемся. Скоро опять повернем, там дорога уже более–менее.

Юлия кивнула и снова углубилась в свои мысли: «Конечно, от мужа она не ушла бы. Но, по крайней мере....., А вдруг?

...Нет. Одиночества бы испугалась,..... а так.... семнадцать лет счастливого супружества, две девки умницы–красавицы, дача, машина..... Черт возьми! Что я несу?..... Надеюсь, у Сашки хватит сообразительности на покаянную сказку: стресс, не знаю, как получилась, первый и последний раз... Сообразительности–то у него хватит, а вот захочет ли – это еще вопрос.....»

«Опель» яростно зарычал и вырулил на трассу рядом с видавшим виды указателем: «Сарафаново 3 км. Поселок Академии Наук СССР».

–Все, можешь открывать окно. Пыли больше не будет, разве, что иголки от сосен,–Алексей по–мальчишески блеснул глазами.

–А, что там, в «Сарафаново»?–поинтересовалась Юля.

–Дача моего деда. На ней в былые времена человек по десять ежедневно собиралось, а в выходные не меньше тридцати. Теперь сюда редко кто ездит.

–А дед, что умер?

–Нет, но он после маминой смерти почти никуда не выходит, так и сидит в квартире с книгами и рукописями.

–Твоя мама умерла?!– вот этого Юля никак не ожидала.

–Погибла. Более десяти лет назад. Несчастный случай,–Алексей, словно сводку происшествий читал.

Юля смутилась: ну, как тут отреагируешь,–Прости, если я, что–то не то сказала.

–Нет, все нормально. Я уже привык,–голос спокойный и

выражение лица почти не изменилось, разве что на правой щеке маленькая жилка предательски подергивается.

Наступило то время, когда солнце, вплотную подойдя к линии горизонта, выбрасывало напоследок мощные стрелы, которые с ожесточенной яростью били в лобовое стекло. Но понемногу их буйство пошло на убыль, знойный день плавно перетекал в теплый летний вечер и в расступившемся мареве показался сосновый лес, а за ним дачный поселок. Проскочив первые четыре дачи, Алексей затормозил у высокого, сплошь заросшего плющом, забора: «Ну, вот и приехали. Сейчас пойдем домовых пугать». Он помог Юле выбраться из машины и направился к воротам, едва различимым среди разросшейся зелени. В воротах обнаружилась небольшая калитка, к которой была прибита почерневшая от времени железная табличка: «Толмачев А.В.».

Алексей открыл маленький, напоминающий детскую игрушку замок и дернул за ручку, – Перекосило «старушку», а поправить времени нет, – раз, два... резкий выпад и калитка со скрипом отъехала, явив для обозрения длинный коридор из бузины. Лешка усмехнулся, – Все как положено: «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька». Только дядька у меня не в Киеве, а в Питере, но зато с бузиной полный порядок, – он чмокнул Юлю в щеку, – Осваивайся, а я машину во двор загоню.

Нерешительно потоптавшись на месте, Юля двинулась между кустов по дорожке, выложенной красным кирпичом,

она привела ее к старому бревенчатому дому. Дом, как и забор, был весь увит плющом и диким виноградом, это чудо–строение имело впереди открытую террасу, а наверху мезонин с огромным окном, напоминающим раскрытый веер. Юля остановилась, где–то за кустами неистово рычал мотор Лешкиного «Опеля», процесс парковки явно затягивался. Не зная на что решиться, она покрутила головой и обнаружила, что дорожка, которая вывела ее из кустов, не заканчивается, а тянется дальше вдоль стены дома. Аккуратно наступая на едва видневшиеся из травы кирпичи, Юля обошла строение и обнаружила, что сзади к нему пристроена большая застекленная веранда с огромным крыльцом, выходящим на широкую поляну. Видимо когда–то это травяное великолепие было центром участка: в середине дожили свой век остатки многоярусной клумбы, чуть дальше покосившийся от времени деревянный навес сторожил большой стол для настольного тенниса, а в самом конце, почти теряясь на фоне буйно разросшихся деревьев, торчала перекладина. Юля присела на врытую рядом с крыльцом деревянную скамейку и прислушалась: вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как в кустах копошатся птицы.

–Вот ты где!–в дверях веранды стоял Алексей,–Иди сюда. Только осторожнее ступеньки очень коварные.

Внутри пахло затхлостью. У стены, Юля заметила резной буфет, на нем лежал слой пыли в палец толщиной.

–В этом году я тут первый раз, а веранду и вовсе не от-

крывал года три, – Лешка взял ее за руку, – Пойдем. В доме уютнее.

Рядом с буфетом обнаружилась дверь, через нее они попали в комнату с двумя окнами и круглой печью «Голландкой», возможно, это была гостиная. Потом прошли коридор, потом еще что-то и, наконец, оказались в уютном чисто убранном помещении: газовая плита, раковина, стол от кухонного гарнитура, кровать, покрытая шотландским пледом, журнальный столик у стены и кресло-качалка. Помещение было явно обжитое, везде чувствовались признаки недавнего присутствия человека.

– Это Аннушка, няня моя, – Алексей произнес это с какой-то особой нежностью, – Она по старой привычке каждую неделю сюда приезжает. У нее даже поговорка есть: «Зимой и летом одним цветом – весь порядок в этом». Вот только сил у нее теперь хватает лишь на эту кухоньку, дедов кабинет да на мою комнату, что наверху. Старенькая она уже.

– Ты давно ее знаешь?

– С рождения. Вообще-то, сначала она была няней моей мамы, а потом уже моей. Аннушка – двоюродная сестра моего деда или, как он любит говорить, кузина. Она когда-то приехала из Витебска на недельку, а осталась в Москве навсегда, потому что мама родилась. Роды у бабушки были тяжелые с осложнениями, она чудом выжила и потом все время болела. Бабушка умерла, когда я совсем маленький был, а весь дом на Аннушке держался. Она и еду готовила, и за

продуктами ходила, и с ребенком нянчилась. Сначала с мамой, потом со мной, а сейчас дед ее главная забота, она за ним, как за младенцем ходит.

За окном уже стояла сплошная чернота, Юля посмотрела на часы: половина одиннадцатого,—Господи, как поздно! Пора ехать.

—Зачем?

—Как это — зачем?—удивилась она,—Мне завтра на работу.

—Мне тоже,—улыбнулся Алексей,—Утром поедем.

—Может, не стоит?

Вместо ответа Алексей поцеловал ее в кончик носа и вышел, но через пару минут вернулся, держа в руках два объемистых пакета. И опять вышло так, как он задумал. Что это? Юля и не пыталась анализировать, решила: пусть все идет, как идет. Все равно это продлится недолго, неделю, максимум месяц, более длительные сроки ей даже в голову не приходили.

Ужинать Алексей предложил на свежем воздухе, поэтому стол накрыли на террасе. Сумерки уже давно уступили место теплой летней ночи. Деревья и кустарники постепенно превратились из безобидных зеленых насаждений в темный глухой лес. На свет, который пробивался на террасу через кухонное окно, слетелись целые стаи ночных бабочек, пришлось срочно перебираться на кухню.

Закончив вытирать тарелки, Юля повесила полотенце и обернулась к окну. За ее спиной щелкнул выключатель, по-

мещение погрузилась в темноту. Теперь уже из сада в кухню через то же самое окно пробивались слабые полосы ночного света. Сзади шаги... один... второй.... шея горит.... справа... слева... и губы у него такие горячие.... – Ой! На террасе кто–то есть.....

–Идем...

Это же дерево... просто дерево..... дерево... дерево....

***

Юля сидела с ногами на подоконнике и с удовольствием курила вторую сигарету подряд. Отсюда из мезонина луна казалась большой желтой тарелкой, которая лежит на темной скатерти. Странно, но в городе у нее никогда не возникало таких ощущений. Юля поежилась, она сидела на окне абсолютно голая: бог знает, где ее платье, поди, найди в темноте, а кутаться в простынь не хотелось. Шур–шур.. пф–пф... Мыши!?! .... Ветер. Листву будит. Юля перевела взгляд: в глубине комнаты спал человек. В лунном свете тело его напоминало скульптуру античного бога. «Утомленный Адонис и престарелая Венера. Сцена из дамского романа – кошмар!» она усмехнулась, затушила сигарету и подошла к постели.

Алексей открыл глаза Я тебя выжил? Прости. Холостяцкая привычка – занимать все спальное пространство.

Он отодвинулся к стене и заботливо поправил Юлину подушку–Иди, сюда.....

***

–Ты не представляешь, где мы вчера были! В «Золотом

треугольнике»!! Публика—зашибись! А одеты как.....,—Галка от восторга прямо—таки захлебывалась,—Что? Я?... Ты бы видела! Он мне такое платье купил.....

—Юль Сергевна, завизируй приказ,—Людмила положила на стол бумаги.

—Спасибо, родная,—Юля тряхнула головой, пытаюсь разогнать сонную одурь,—Чтобы я без тебя делала?

—Тоже, что и со мной,—Людмила помялась,— Мне бы пару отгульчиков. На даче с внуками посидеть, сватью мою радикулит прихватил... Галка, оторвись от телефона, ступай, подпиши приказ у Базарычевой.

—А почему я?—обиженно протянула Галка,— «Королева Марго» опять «морды строить» начнет. Может, вы сами сходите?.....

Людмила выразительно посмотрела на нее поверх очков. Галка сразу сникла и начала копаться в столе, явно пытаюсь тянуть время.

—Да, ну, вас.....,—Юля взяла бумаги и отправилась разыскивать главбуха. После тридцатиминутного поиска она неожиданно наткнулась на Базарычеву в отделе кадров. Та что—то увлеченно рассказывала, параллельно угощалась тортом. Момент был подходящий, если Марго ест или перемалывает чьи—то кости, можно подсовывать все, что угодно.

На обратном пути Юля заглянула в директорскую приемную. Стюдиюток не было, зато у окна стоял Ромадин и внимательно изучал полученный факс,—Юль, зайди—ка,—а сам да-

же не повернулся.

–У тебя, что глаза на затылке?–встречаться с начальством ей сейчас очень не хотелось.

–Я, тебя и так за версту чую. После двух Моторин привезет договор.

–Сам?!... У него, что помощников нет с бумагами бегать?

–Думаю, есть. Но он, между прочим, про тебя спрашивал.

–Между чем и чем? – съязвила Юля.

–Не понял?–Ромадин оторвался от факса.

–Ну, ты же сказал между прочим, вот я и интересуюсь между, чем и чем он спросил про меня?

–Острим?–еще чуть–чуть и Колькины глаза ее продырявят,–А на шейке–то пятнышко подозрительное. И как давно? По моим наблюдениям–неделя, не больше.

–Какая проницательность! Чем обязана?

–Ну, милая, мы же с тобой друг друга хорошо знаем и в обычном, и в библейском смысле,–Николай выразительно прищурился,–На правах друга: не стоит делать культа из противоположного пола–это, всего лишь, организмы.

–По–твоему я на это способна?–вспылила Юля.

–Раньше нет, а теперь черт его знает. Мы давно уже с тобой на пару пиво не пили. Мне лично жаль!

–Ты серьезно?

–Вполне. А ты против? .... Можешь не отвечать. Не ври, не бери грех на душу....,–Ромадин опять углубился в изучение факса,– Как только Моторин объявится, девки тебе по-

звонят.

Они действительно уже давно виделись только на работе. А ведь когда-то... Юля вспомнила, как это случилось первый раз....

Кажется, была середина ноября..... Да, точно. С неба лил дождь пополам со снегом, а под ногами скрипела непролазная ледяная каша, редкие прохожие тщетно пытались обезопасить себя зонтиками. Только ничего этого Юля не видела. Она шла, не разбирая дороги, практически на ощупь. Злые колючие слезы прямо-таки заливали глаза, да, еще правая щека после удара нестерпимо горела, на перекрестке, не заметив огромное черное месиво, встала слишком близко к краю тротуара, и какая-то машина, резко затормозив, окатила ее с головы до ног. Грязные потоки стекали с одежды прямиком в сапоги.

—Ты, что, баба, рехнулась? Под колеса лезешь..... только сидеть из-за тебя не хватало!—орал разъяренный мужик,—Комарова, ты?—Ромадин от неожиданности даже опешил,—Живо в машину,— и, не дожидаясь пока Юля что-либо сообразит, впихнул ее в салон. В машине Колька сунул ей какую-то тряпку и приказал вытереться, потом открыл кейс и достал плоскую металлическую фляжку с монограммой,—Пей!— Юля отрицательно замотала головой,—Пей, я сказал! Воспаление легких схватишь,—на этот раз Юля повиновалась. Во фляжке оказался коньяк. Она сделала два глотка, перевела дух и выпила еще, потом посмотрела на Ро-

мадина. Тот не обращал на нее никакого внимания. От выпитого коньяка по телу разлилось расслабляющее тепло, и слезы сами собой хлынули наружу. Рыдала она беззвучно, тупо уставившись перед собой. Очнулась Юля только, когда Ромадин отобрал у нее фляжку,—Вылезай! Она удивилась, но спорить не стала. Местность была незнакомая: однообразные девятиэтажки да чахлые, большей частью поломанные кустики, с трудом отвоевавшие себе место у грязно-серого асфальта. Не давая Юле опомниться, Колька потащил ее за собой к ближайшему подъезду. На восьмом этаже, куда их привез жутко громыхающий лифт, он, прислонил ее к стене, словно бревно, открыл квартиру, потом взял за шкуру и толкнул в темный коридор,—Ванная—первая дверь налево. Давай, давай. И не вздумай запирать дверь, выломаю! Я не шучу!

Юля машинально двинулась по коридору. Ванная встретила её голубым кафелем в цветочек и большим овальным зеркалом, из которого на нее смотрела страшная тетка с грязным заплаканным лицом и синяком во всю правую половину. Юля тяжело вздохнула и начала раздеваться. Минут через пять, когда она уже лежала в горячей воде и наслаждалась покоем, дверь открылась и на пороге появился Колька, облаченный в потертые джинсы и футболку,—Как дела? Шампунь в шкафчике, вот это оденешь,—он повесил на крючок просторный фланелевый халат, с желтыми утятами,— а это, — кивнул Ромадин на одежду,—я заберу.

Закончив мыться, Юля с удовольствием вытерлась большим махровым полотенцем и еще раз посмотрела на себя в зеркало. Картина явно изменилась. Страшная тетка куда-то исчезла и на ее месте теперь красовалась разбитная девица с румяным слегка побитым лицом. Ромадина она нашла на кухне, тот сосредоточенно возился у плиты, – Двигай в комнату, я сейчас!

В комнате возле дивана стоял журнальный столик уже уставленный всяческой снедью.

–Ну, и чего стоим?–в одной руке Николай держал миску с вареной картошкой, а в другой бутылку водки,– Лезь на диван и плед накинь.

Юля вздохнула и повиновалась, но плед не взяла,–Чья квартира-то?–это были первые слова, которые она произнесла с момента встречи.

–Батюшки, царица-мать небесная! Ты оказывается не только реветь, но и говорить умеешь.

–Неправда, я не редела.

–Ага, это ты тушь решила смыть. Матушкина фатера.

–А она где? Неужели с тобой в Кунцево живет?

–Я, что, враг собственной матери? У сестры своей она живет. Та недавно мужа похоронила, а вдвоем все-таки веселее. Давай-ка опроцедуримся. Что пить будешь? Водку? Или тебе еще коньячку плеснуть?

– Нет, мне уже хватит.

– В машине не в счет. Там-лекарство было.

Николай разлил водку, положил Юле на тарелку две большие картошины, два кусочка селедки и половинку соленого огурца,—Ну, давай, подруга! Как говорится: «не пьянства ради, а поправки здоровья для. . . .»

Они выпили. Николай налил по второй, потом еще и Юля рассказала Ромадину все, что с ней произошло. Он даже вопросов не задавал, просто курил и слушал.

Потом они вместе варили на кухне кофе, вспоминали общих знакомых и времена, когда ездили от НИИ в колхоз. Юле чувствовала себя, на удивление, спокойно, да и по Колькиному лицу было видно, что ему все нравится.

—Слушай, ты, когда-нибудь пила коктейль «Утро Конфуция»?

—Это еще что за утро такое?

—Сейчас узнаешь,—он достал из холодильника банку сметаны, три бутылки жигулевского пива и вылил все это в широкий кувшин, потом добавил туда же сто граммов водки и перемешал миксером,—Особенно эта штука хороша «после вчерашнего». Как говаривал один мой дружок: «с утра рога поправить». Но и вечером тоже ничего.

Колька вылил полученную смесь в два высоких стакана, нарезал лимон, посолил его и протянул Юле,—Сначала отпиваешь глоток, потом закусываешь лимоном с солью. Вот так, смотри.

Он выпил, закусил соленым лимоном и довольно крикнул. Юля осторожно последовала его примеру. Меньше все-

го Юля ожидала, что эта гремячая смесь ей понравится, а она понравилась.

—Что здорово?—в глазах у Ромадина скакали озорные «чертики».

—Здорово. А почему «Утро Конфуция»?

—А ты попробуй выпить этого пойла кувшина полтора на нос, у тебя физиономия опухнет, а глаза станут узкими, как у китайца.

Юля живо представила себе эту картину и расхохоталась. Колька тоже довольно улыбнулся,—Пошли музыку послушаем. У меня отличные записи есть. Парнишка один снабжает за небольшую мзду.

В комнате они уютно устроились на диване. Записи действительно были отличные. Постепенно приятная музыка, приглушенный красноватый свет от торшера и «китайский» коктейль сделали свое дело. В какой-то момент Юля непроизвольно потянулась к Ромадину и наткнулась на его жадные губы. Поцелуй получился спонтанный, но пронизанный таким обоюдным желанием, что остановиться уже не было никакой возможности. Первоначальную неловкость сменило удивление. Колька оказался потрясающим любовником, ласковым, неторопливым. Он сразу же обнаружил все участки Юлиного тела, к которым следует прикоснуться, чтобы доставить ей наслаждение. Она не могла понять, откуда у этого самоуверенного и грубоватого мужика такая нежность, да и себя-то узнавала с трудом. В постели Юля, как правило,

пыталась самоутвердиться, действовала решительно и часто брала инициативу на себя. Словом, никогда не ощущала себя слабой и женственной, а тут, откуда, что взялось,..... Сколько лет прошло, а она и сейчас помнит ту ночь во всех подробностях.

С тех самых пор и повелось: время от времени они встречались в квартире Колькиной матери. Это—то у них и называлось «попить пивка на пару»....

Юля очнулась от своих воспоминаний только, когда у входа в отдел ее окликнул Бобров,—Здравствуй, любовь моя! Выглядишь на все двести грамм! Знаешь что—нибудь про дела с этой нефтяной конторой?

—Нет пока никаких дел, одни благие намерения.

—Ну,...ими обычно вымощена дорога в ад.

—Как скажешь, дорогой.

—Я бы много чего еще сказал, да воспитание не позволяет,—Бобров с размаху чмокнул Юлю в щеку и, потирая руки о свои вытертые на заднице джинсы, которые он любовно именовал «мечтой биндюжника», помчался дальше.

Уже у себя в комнате Юля вдруг вспомнила, что забыла отдать приказ в канцелярию,—Люда, не знаешь, где наша красавица?

—А ты в окно посмотри.

Прямо перед входом в здание стоял огромный амбал, а рядом Галка. Она что—то радостно щебетала и с удовольствием вешалась ему на шею. Судя по всему, «парнишечка» был из

крутых. На Галку он особого внимания не обращал, только снисходительно улыбался, а в основном был занят тем, что разглядывал проходящих мимо женщин.

–Получила удовольствие?–поинтересовалась Людмила.

–Массу! Наталья не звонила?

–Я ей звонила.

–Как она?

–Говорит, что ничего. Думаю, врет,–Людмила сняла очки и привычным жестом потеряла переносицу.

–Ну, почему же сразу врет?...– робко возразила Юля.

–Ты, что думаешь, если вы мне ничего не рассказываете, так я ничего и не знаю? Я, милочка, жизнь прожила, мужа похоронила, двух детей воспитала. Кроме того, я свекровь и теща одновременно, как говориться в одном флаконе. А то я не вижу, что у бабы неприятности, и какого рода неприятности тоже вижу. Конспираторы язви вас.

–Ну, ладно, ладно. Развоевалась. Лучше скажи, что делать–то.

–А, ничего не надо делать. Перетерпеть. Перебесится мужик. А не перебесится–наплевать. Главное, чтобы его на всех баб хватило, да грязь какую–нибудь не подцепил. Но у Сашки–то, небось, все девицы отборные, такому мужику никакой надобности нет всякую шваль подбирать. Там, я думаю, желающих очередь стоит километра на два.

–Мудрая ты,–вздохнула Юля,–Ну, прямо, как черепаха Тортила.

—Ага,—Людмила согласно кивнула головой,—и живу столько же. Мой до самой смерти бегал. Последняя у него на двадцать один год моложе была—это после двух инфарктов—то. Я когда первый раз узнала, что у него любовница, думала—повешусь. Собрала вещи, а идти некуда. К родителям, так у них на двадцати восьми метрах пять человек, а тут еще я с пузом, моей беременностью как раз шестой месяц пошел. Сажу на чемодане посередине комнаты, реву в голос. А тут как раз соседка со смены пришла. «Дура, ты, дура,—говорит,—не стоят кобели эти, чтобы мы из—за их фортелей себе жизнь портили. Плюнь, пушай себе у каждого столба ногу поднимает, коли невтерпеж. Ты, главное гляди, чтобы он про семью помнил, деньги налево не спускал и в дом не водил, а остальное—дело житейское. И про себя не забывай. А, чего?! Ежели мужик справный—милое дело. Только по—умному, «чтобы деревня не звенела». Вот так она мне мозги и вправила. Я еще поревела, поревела да и утерлась. А, потом привыкла, и когда через пять лет со своей сестрой его застала, так даже и не удивилась.

—Что и с сестрой тоже?

—Спасибо, что не с тещей.

—Фу, мерзость, какая. У нас коньяк еще остался? А то после твоих проповедей как—то не по себе.

—В сейфе.

Юля заварила себе кофе, влила туда коньяку и поставила чашку на подоконник. Во дворе уже не было ни Галки, ни ее

кавалера, на их месте расположилось темно-синее «БМВ». Кого это там принесло? А-а-а-а... Это же... Телефон противно заблямкал. Юля взяла трубку и, даже не выслушав бедную Зою до конца, сказала, что сейчас будет. А идти страсть, как не хотелось, и она медленно, стараясь оттянуть момент встречи, поплелась на второй этаж.

В директорском кабинете народу было полным-полно. Сам Колька, Поморцев, Моторин, четыре каких-то незнакомых мужика и почему-то Бобров. Этот на фоне дорогих фирменных костюмов смотрелся абсолютно инородным телом. Бобров по теперешним временам вообще был мужик уникальный. Он не стремился заработать, как можно больше денег, не подсиживал ближнего, не подставлял дальнего. Возможно, он даже не знал, что «баксы» и «доллары» – это одно и то же. А специалист Славка был классный, за компьютером мог сидеть сутками, от монитора оторвать его могла разве, что национальная катастрофа. И то это еще вопрос.

–А, вот и Юлия Сергеевна. Прошу, прошу,–Колька сиял, как начищенный самовар. Юля поздоровалась и села рядом с Бобровым.

–А мы тут, как раз обсуждаем наше совместное будущее. Вот посмотри,–он протянул ей бумаги.

Юля попыталась вчитаться в документ, но в какой-то момент поняла, что никак не может сосредоточиться, подняла глаза и напоролась на откровенный взгляд Моторина,–Ну, как впечатление?–вопрос был задан с той завораживающей

интонацией, которую проигнорировать просто невозможно.

–Пока смутное. Прежде, чем давать какие–либо оценки, я должна внимательно все изучить,–Юля сделала ударение на слове «изучить».

–Уже заметил, что вы предпочитаете серьезное изучение предмета поверхностным впечатлениям,– Моторин в свою очередь сделал ударение на слове «заметил»,–Я–тоже.

–Это не всегда хорошо, знаю по опыту,–фраза была произнесена Юлей с явным вызовом, но Моторин оставил его без внимания и обратился к одному из мужчин каким–то вопросом.

Юлино самолюбие было уязвлено настолько, что она почувствовала, что начинает злиться на документ, который лежал у нее перед глазами, на Кольку за его довольный вид и, даже не понятно почему, на Боброва. «Так, стоп! Прекрати немедленно», – мысленно приказала она себе,– Слишком много чести для этого типа. Возьми себя в руки и сосредоточься».

Но сосредотачиваться ей не пришлось. Ромадин предложил закончить официальную часть и перейти к неофициальной. После этих слов все присутствующие разом задвигали стульями, выражая тем самым полное согласие, и плавно перетекли в смежную с кабинетом комнату, которая в шутку называлась «залом».

А вот Юля, сославшись на занятость, отказалась, Колька поморщился, но настаивать не стал.

***

Она внимательно перечитывала договор. Документ в перспективе сулил немалую выгоду, но и затраты требовались немалые.

«Деньги, конечно, большие.... кредит придется брать,— рассуждала она мысленно,—но дело того стоит.....,—и машинально перевела взгляд на часы. Стрелки показывали без четверти семь,—Так, опять! Хотя бы раз с работы вовремя уйти.... Господи, я же в семь с Лешкой встречаюсь.....», — схватила телефон и стала судорожно жать на кнопки. Абонент молчал. Набрала еще раз, потом еще....

—Вы, опаздываете? Я могу подвести,—пророкотал у нее над ухом низкий баритон. От неожиданности Юля даже телефон выронила,—Простите, что испугал,—Моторин протянул ей оброненный мобильник.

—Я не буду спрашивать, как вы здесь оказались,— Юлю прямо—таки трясло от злости на этого беспардонного типа,—думаю, элементарно дали взятку вахтеру, но вот зачем вы здесь? Это меня интересует.

—Не давал я никакой взятки. Мы с вашим Петровичем просто подружились. А здесь я, потому что мне очень этого хотелось.

—Это черт знает что!!!!—взорвалась Юля,— К тому же, сильно пахивает пошлостью. Интеллигентный человек, руководитель крупной компании и вдруг такое..... Детский сад, ей—богу!

—С каких это пор интерес к женщине считается пошлостью?—удивился Моторин.

—Вы прекрасно поняли, что я имею в виду.

—Ну, так вас подвести?—он даже внимания на ее гнев не обратил.

—Спасибо. Доберусь самостоятельно.

—Опоздаете же.

—Мои проблемы,—Юля демонстративно повернулась к Моторину спиной и снова стала жать на кнопки. На этот раз номер отозвался почти мгновенно, —Привет, —она поймала себя на том, что говорит тише обычного, —Я тут немного задерживаюсь. Подождешь меня минут десять—пятнадцать?

—Сколько угодно. Впереди у нас целая жизнь,—человек на другом конце явно улыбался—Что—то срочное?

—Как всегда,—Юля почувствовала, что краснеет,—Я скоро. Не скучай.

Она дала «отбой» и повернулась. Моторин стоял на том же месте и ждал, когда она закончит разговор. Он даже позу не сменил: руки сложены на груди крест—накрест, правая нога чуть вперед. Юля собрала сумку и двинулась к двери, незванный гость последовал за ней, в полном молчании они миновали коридор, и вышли из здания, —Всего хорошего,—железа в Юлином голосе было столько, что его хватило бы на пару мартеновских печей.

—Но вы же спешите. Не лучше ли в этой ситуации воспользоваться моей машиной?—Моторин открыл дверцу, пригла-

шая Юлю в салон.

—Спасибо. Нет,—для пущей убедительности она даже головой тряхнула.

—Ну, тогда до следующей встречи,— как ни в чем, ни бывало, смотрит и улыбается,—Думаю,—это будет довольно скоро....,—и машина с довольным урчанием сорвалась с места.

«Вот, стервец!—Юля даже сплюнула от досады и почти бегом направилась к «Пушкинской»,—Быстреей, быстреей....., еще быстреей.....»

—Эй, барышня, вы куда мчитесь? Горит, что ли, где-нибудь?—Лешка сидел на лавочке и широко улыбался,—Сеанс только через двадцать минут.

—Какой сеанс?—не поняла Юля.

—Киносеанс.

—А, что за фильм?

—То ли франко-итальянский, то ли испано-французкий. У нас в офисе все только о нем и говорят. Нечто новомодное.

—А ты уверен, что его вообще надо смотреть?

—Уверен, уверен. Пошли,—он заглянул Юле в глаза,—А ты какая-то странная. Что-то случилось?

«Случилось, вот только пока не понимаю что»,—это мысленно, а вслух, — Устала. Ладно, идем внутрь, я пить умираю, хочу. Пока время есть, давай хоть «Писи-колы» глотнем.

—«Писи-колы», говоришь.... Может, чего получше найдется?—Лешка чмокнул ее в нос, и они оба расхохотались.

Юле опять стало удивительно легко и спокойно. Не было

ни прошлого, ни будущего, было только настоящее и это ее вполне устраивало....

***

Она открыла глаза, потерла виски, потом встала с дивана и медленно направилась в коридор. На кухне горел свет, Алексей стоял спиной к двери и разговаривал по мобильнику,— Слушай, давай без истерик. Мы давно все выяснили. Нет, я не приеду. И прекрати реветь, ты прекрасно знаешь, что твои слезы на меня больше не действуют.

Юля воровато юркнула в ванную, там, тупо уставившись в зеркало, она еще минут пять прислушивалась к тому, что происходит снаружи, потом открыла кран и стала умываться. На душе было мерзко, словно без спросу вошла в чужой дом, а ее застучали, чтобы как-то избавиться от этого поганого чувства, она решила принять душ, но воду включить не успела.

—А я тебя потерял? Компания нужна?—Алексей легко перемахнул через край ванной.

—Ты бы хоть, ради приличия, ответа дождался. Вдруг я—«против».

—Но ты же—«за». Или нет?

—Я—«за». Работайте, молодой человек! Э—э—э—э—э.... я не об этом. Воду включай.

—Это с превеликим удовольствием,—он резко крутанул ручку крана и сверху неожиданно хлынул кипяток.

Юля вскрикнула и дернулась в сторону,—Ты, что с ума со-

шел? Горячо же!

–Ну, прости, прости. Вот уже и холодненькая пошла.

–Успокоил. Вся правая сторона огнем горит.

–Сейчас вылечим–Лешка наклонился и поцеловал ее плечо, потом шею, потом губы,–Ну, как? Легче?– он стал медленно гладить руками ее тело, стараясь не пропустить ни одной клеточки. Юлька зажмурилась от удовольствия и почувствовала легкую дрожь..... Вдруг вспомнилось: «Нет, я не приеду... прекрати реветь.....», а потом всплыли внимательные карие глаза и: «.....Тогда до следующего раза.....»,–от этого противно засосало под ложечкой, она отстранилась от Алексея и закрыла воду,–Я замерзла. Пошли обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.